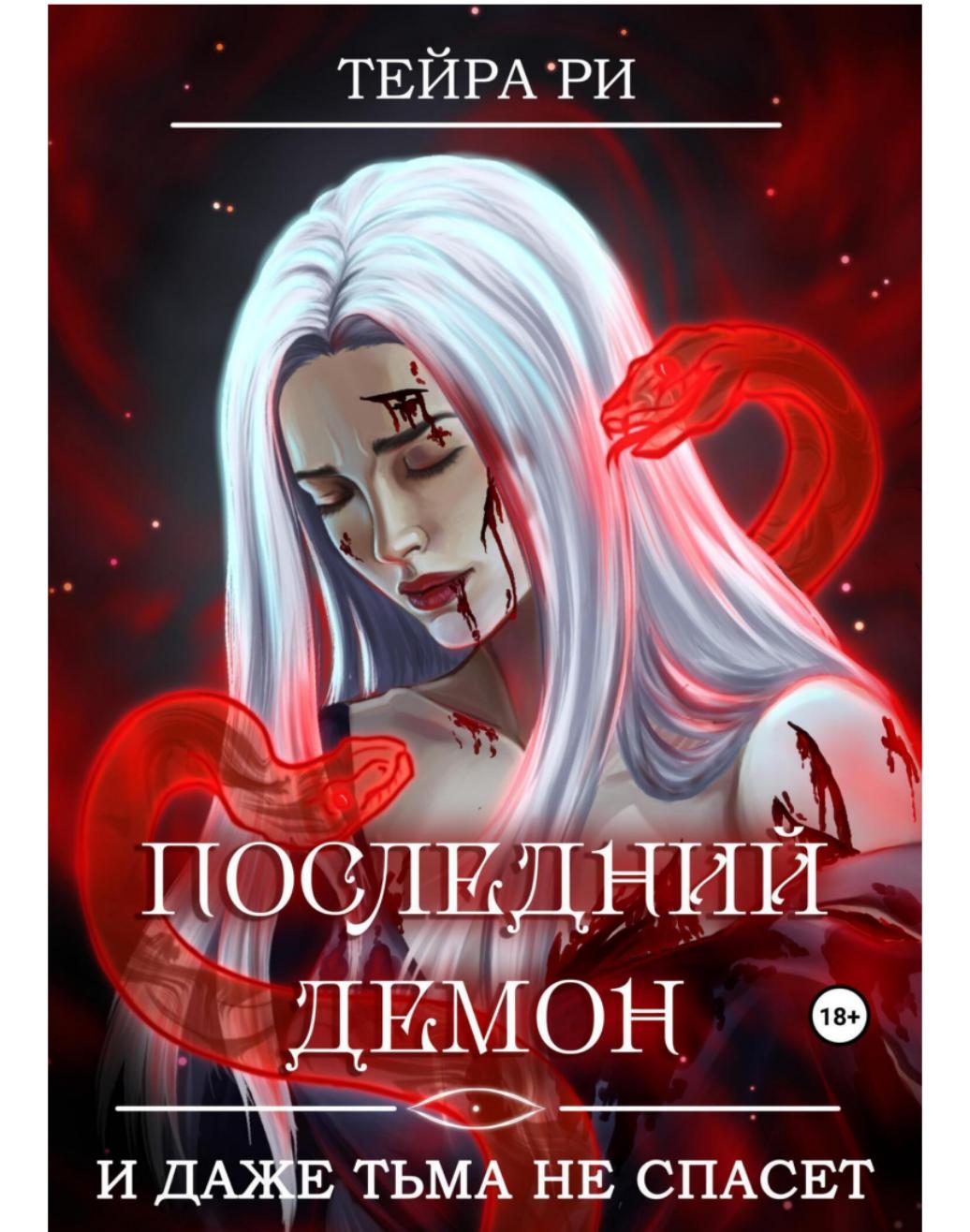

ТЕЙРА РИ

ПОСЛЕДНИЙ
ДЕМОН

18+

И ДАЖЕ ТЬМА НЕ СПАСЕТ

Тейра Ри

Последний демон. И

даже Тьма не спасет

Серия «Последний демон», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69375529
SelfPub; 2023*

Аннотация

Жизнь Ария уже никогда не станет прежней. Теперь все иначе. В Санмерате – друзья и верные соратники, в Вастангаре – враги и предатели. Кто он теперь? Тень и слуга демона или тот, кому суждено вернуть Истинных магов на путь добродетели и служению Свету? И есть ли вообще у Ария выбор? Ведь его жизнь по-прежнему в руках повелительницы Санмерата, у которой на него свои планы. Больше тысячи лет Дайне не было равных по силе ни в мире смертных, ни в мире духов. Больше тысячи лет демон не знала слова «страх». Но пробудилось древнее зло, которое куда сильнее нее, и Дайне предстоит вновь пережить те ужасы, что ранее вынудили ее уничтожить магов тумана. Но демон не готова еще раз жертвовать близкими, она не может потерять тех, кто пробудил в ней человечность и способность любить, а значит Дайне придется принести в жертву себя.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Неуловимый	6
Арий	6
Глава 2. Пробуждение	38
Дайна	38
Глава 3. Разочарование	69
Дайна	69
Арий	82
Глава 4. Никчемная душа	99
Арий	99
Глава 5. Похоть	122
Дайна	122
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Тейра Ри

Последний демон. И даже Тьма не спасет

Пролог

*Спи, малыша, отдыхай.
В тумане алом засыпай.
От бед тебя укроет он,
Как всех, кто в Хаосе рожден.*

*Пусть детка спит, и к ней придет
Вся ярость, что в душе живет.
Однажды ты взойдешь на трон,
Из трупов будет создан он.*

*Ты будешь вечно страх нести,
Заклятья на крови плести.
Их ужас будет для тебя,
Что песнь чудесная средь дня.*

*В ночи сверкнут глаза огнем,
То Хаос в их стучится дом.*

*У ног твоих весь будет мир,
На их костях устроишь пир.*

*Спи, малыша, отдыхай.
В тумане алом засыпай.
Владыка Хаоса с тобой.
Мое дитя, дар нежный мой.*

Глава 1. Неуловимый

Арий

Я проснулся задолго до рассвета, а точнее, вскочил в поту с бешено колотящимся сердцем. После того дня, как побывал в голове Дайны, все мои пробуждения стали такими. Мне больше не снились сны. Их заменили ее воспоминания. Одно за другим они приходили, стоило лишь закрыть глаза, – каждое было еще кошмарней предыдущего. Сегодня я видел Дайну, плененную теми, кто убил ее сына и мужа. Видел все ее глазами, как и тогда, когда использовал ловца воспоминаний. Эти выродки измывались над демоном, связав магию тумана: сжигали заживо, вспарывали живот, ломали руки и ноги, вырывали ногти, сдирали кожу, наблюдали, как она воскресает, и начинали все сначала... Я видел, как на нее навалился жирный вонючий мужик, у которого смердело из пасти, пока второй громила крепко держал ей руки, лишая возможности сопротивляться, а грубые потные ладони шарили по обнаженному телу. К горлу подкатила тошнота, когда он своим мерзким отростком начал тыкаться ей между бедер...

Я пытался отдышаться и отогнать прочь увиденное, но в итоге меня вырвало от омерзения прямо на ковер. Сумрак

взволнованно заскулил рядом, боднул лбом мое плечо.

– Это невыносимо, – прошептал я севшим голосом.

Хотел налить себе воды, но руки тряслись так, что расплескал половину графина, прежде чем наконец смог наполнить стакан. На коже до сих пор ощущались прикосновения потных мозолистых ладоней, словно тот урод только что и вправду облапал меня. Перед глазами всплыл его член, которым он тряс перед лицом Дайны, мерзко хохоча. Снова стошнило.

– Не могу так больше, Сумрак. Не могу.

Я обхватил голову руками, жадно хватая ртом воздух, чтобы подавить очередной приступ дурноты.

До рассвета простоял на балконе. Благо дождь, который лил целую неделю, прекратился еще вечером, уступив место снегопаду. Мороз и созерцание пушистых хлопьев, кружащихся в воздухе, помогли немного успокоиться и прийти в себя. Я глубоко дышал, пытаюсь унять ярость, пылающую внутри. Снова и снова повторял себе: все в прошлом, виновники давно приняли мучительную смерть от рук демона. Но это не работало. От одной мысли, что кто-то посмел так поступить с Дайной, во мне просыпалось неведомое до этого желание – *убить*. Убить не из необходимости, а потому что этого требовало все мое существо. Наказать. Заставить страдать и корчиться от боли.

Вот только чьи это были желания? Мои или демона?

К утру чувствовал себя так, будто снова прогулялся по

Буйным землям: обессиленным и опустошенным. Прошло десять дней с тех пор, как демон впала в забытие. Десять самых долгих дней в моей жизни. Они тянулись один за другим: тусклые, безрадостные, полные горестных, тягостных размышлений, непонимания и томительного ожидания. Я не мог есть, не мог спать, без конца неприкаянно слоняясь по комнате. Ветер раскачивал могучие сосны и ели в саду, и они стонали под его безжалостными порывами, а моя душа вторила их стонам, скорбя по безвозвратно утерянным воспоминаниям. Я горевал по прошлому, которое у меня забрали, оплакивал ребенка, которым был и которого, как оказалось, никогда не знал. В моей памяти жил печальный мальчик с искаженным горем лицом и не по-детски серьезным взглядом. В памяти Дайны жил забавный мальчуган с искрящимися от счастья глазами и вечной улыбкой на лице, что дружил с фурией и волком-стражником, играл с алым туманом и замороженно наблюдал, как его мать ткет основы для заклинаний Истинных. Тогда мир был полон чудес и волшебства, которыми меня окружили родители и Дайна. В ее воспоминаниях я именно *жил*, в своих – существовал, гонимый вперед ненавистью и жадой мести.

Все, что я увидел, было реально, в этом не возникало сомнений ни на мгновение. Проникающие могут лишить воспоминаний, выдрать с корнем из памяти, но изменять их даже им не по силам. Лишь Чтецы, такие как Макар или Ясена, могут внушить что-то, коснувшись мыслей, чтобы спутать

последние образы в голове и исказить восприятие реальности, но при этом само воспоминание все же будет рождено именно разумом человека, а не чарами.

Теперь я понимал и то, что вовсе не сделался безумцем, когда возжелал демона. Пусть мой разум не помнил прошлого, но сердце и не думало ее забывать. Я влюбился в Дайну, будучи ребенком, и влюбился снова, спустя целых семьдесят семь лет, вопреки всему. Принятие этого факта будто помогло вдохнуть полной грудью. Когда все вдруг стало зыбким и шатким, внутри меня возникала острая необходимость обрести нечто, за что я мог бы уцепиться, как за спасительную соломинку, пока душа пребывала в смятении. Чувства к демону – единственное, что представлялось сейчас незыблемым, и я позволил им заполнить собой сосущую пустоту в груди.

Все будет хорошо, Арий. Она обязательно очнется.

Безумно хотелось увидеть Дайну, но Тени меня к ней не пускали. Они совершенно заслуженно злились и не желали слушать мои оправдания. Лишь Сумрак неизменно появлялся каждый вечер и оставался на ночь, за что я был очень ему благодарен. Присутствие волка успокаивало. Если уж он продолжает приходить как ни в чем не бывало, то все непременно обойдется, ведь зверь чувствует Дайну как никто другой.

Из раздумий меня вывел негромкий стук в дверь – Рита принесла завтрак.

– Снова простояли на холоде всю ночь, – недовольно проворчала девушка, расставляя блюда на столе. – Вы совсем себя извели.

В последнее время она немного осмелела и даже могла позволить себе мягко пожуричь меня. Я не возражал. К тому же было за что. Я почти ничего не ел и сильно похудел, из-за бессонницы под глазами залегли темные круги, многодневная щетина выглядела неопрятно, а от постоянного стояния на ветру кожа покраснела и шелушилась, волосы, которые последний раз стриг перед злополучной свадьбой, за полтора месяца пребывания в Санмерате отросли и теперь лезли в глаза.

– Вы сейчас похожи на нищего бродягу, – служанка сокрушенно покачала головой, наблюдая, как я ковыряюсь в тарелке с кашей, съев при этом всего пару ложек. – Хозяйка будет в ужасе, когда увидит вас.

– Если увидит.

– Конечно, «если». Ведь вполне вероятно, что к тому моменту, как госпожа очнется, вы заморите себя голодом.

– Ты перестанешь ворчать, если выпью чай и съем печенье?

– Пирожок. Съешьте пирожок, и я больше не стану вам докучать.

– Идет.

Беззаботная болтовня Риты позволяла ненадолго отвлечься от грустных мыслей, поэтому я всегда старался придумать

тему для разговора, чтобы она задержалась подольше. Сегодня заговорили про лошадей. Служанка с неподдельным интересом слушала рассказы о наших с Даром приключениях, пока прибиралась в комнате и меняла постельное белье, но беседу прервал Лука, бесцеремонно вошедший в спальню.

– Стучать тебя не учили? – Я даже не пытался скрыть раздражение.

За последние десять дней маг меня порядком достал. Он приходил каждый день и требовал выдать имя того, кто дал мне ловца воспоминаний. А я, глядя в его сверкающие гневом глаза, просто не мог назвать имя Селены. Чутье подсказывало, что в отношении Истинной Лука не ограничится заточением, ошейником и браслетами. Если мой поступок еще хоть как-то можно было оправдать стремлением докопаться до правды, то мотивы Селены оставались неясны. Я не хотел рисковать ее жизнью, пусть она и говорила ранее, что готова принять любые последствия.

– Слишком много чести для такого, как ты, – фыркнул Лука. – Собирайся. Мы отправляемся в Корвастах.

– С чего вдруг? – Я скрестил руки на груди и откинулся на спинку кресла.

Магия встревоженно вздрогнула, предостерегая от подобной затеи, но я мгновенно подавил ее. Нельзя, чтобы Лука заметил.

– С того, что Нора нашла владельца сути из Омута, – небрежно бросил маг.

Новость оказалась настолько неожиданной, что на миг я растерялся. Признаться, уже и не чаял, что из этой сути удастся выудить хоть что-то полезное. Усталость последних дней как рукой сняло. Сердце вновь забилося чаще, но теперь не от отвращения – в нем с новой силой вспыхнула надежда.

– Не думал, что Нора все это время продолжала искать, – ответил я, едва не подпрыгивая от нетерпения отправиться в путь. Но заставил себя остаться на месте, выразив лишь легкую заинтересованность. Доверять Теням сейчас было бы весьма опрометчиво. – Она никогда меня не жаловала, я и надеяться не смел на ее помощь. Впрочем, как и на помощь остальных Теней. После случившегося с Дайной вы весьма четко дали понять, что не считаете меня достойным быть одним из вас. С чего вдруг решили отправиться за хозяином сути?

– Уж точно не из-за такого говнюка, как ты, – презрительно обронил Лука, садясь в кресло напротив меня. – Дело в Дайне. Она приказала найти его. Вот Нора и продолжала искать. Тени всегда исполняют приказы, даже если в корне с ними не согласны.

– Дайна велела найти, но не отправляться за ним, – резонно заметил я и обратился к Рите, которая закончила с уборкой и теперь переминалась с ноги на ногу в дверях спальни: – Можешь идти.

– Не одному тебе доставляет неудобства этот неуловимый

любитель запретного, – ответил маг, когда Рита покинула комнату. – Он истончает грань между миром живых и Хаосом. Дайна всегда говорила, что это опасно. По ее словам, равновесие нельзя нарушать, нельзя пользоваться чужими силами или Истоком. Взывая к тому, что нам неподвластно, мы рискуем навлечь беду не только на себя, но и на окружающий нас мир. Дайна может и не очнуться, либо очнуться, когда будет уже слишком поздно. В ее отсутствие забота о Санмерате ложится на меня и глав кланов. Наш долг не допустить возрождения запретного. Поэтому Тени отправляются за ним. И ты со своим даром нолгурда можешь нам пригодиться, так что пойдешь с нами.

– Согласен. – Мне не терпелось покинуть поместье.

Я встал, потрянул руками, и браслеты, призванные сдерживать мою магию, упали на пол. Следом сорвал ошейник и отшвырнул его в сторону, не без удовольствия наблюдая, как лицо Луки вытягивается от изумления. Остался только браслет из кожаных шнурков, подаренный Дайной.

– Как же достало носить эти побрякушки. – Я потер запястья в тех местах, где кожа соприкасалась с артефактами.

– Как? – спросил Лука, поднимая один из браслетов и с интересом рассматривая его. – Я же лично заговаривал их. Ошибки в заклинании быть не могло.

– Моя мать была Ткачом.

– Точно. Я об этом и не подумал. – Он почесал затылок, покачивая головой. Через маску неприязни на его лице проби-

лось выражение уважения. – Неплохо.

– Спасибо.

– Давно освободился?

– Дней пять назад.

Теперь, когда магия снова мне подчинялась, вернулись и способности Ткача, частично доставшиеся от мамы наряду с боевой магией, унаследованной от отца. Ткачи у каждого народа, обладающего даром, были свои. Они создавали новые заклинания, заставляли силу Истоков принимать требуемую форму, подбирая нужные слова и жесты, а иногда и символы, когда возникала необходимость сотворить руну. Это называлось прясть основу заклинания. Конечно, до матери мне было ой как далеко (все же я боевой маг), но, если постараться, кое-что получалось. Я не умел прясть новые заклинания, но иногда мог рвать основы уже сплетенных. Правда, на это зачастую уходили дни, в то время как у одаренного Ткача ушла бы всего пара часов. Благо Лука владеет Истинной магией, что сделало возможным разрушить артефакты, созданные им. Будь его дар чужеродным, я бы оказался бессилен. К тому же он не считал нужным обновлять заклинания, в противном случае основа каждый раз срасталась бы заново, сводя все мои усилия на нет.

– Пять дней, – задумчиво протянул Тень. – Ты мог бы уже сбежать.

– И не увидеть, как она очнется? – Я было направился в гардеробную, чтобы переодеться, но остановился, снова

обернувшись к Луке, который по-прежнему сидел в кресле. — Я должен хотя бы попытаться извиниться за все то, что наговорил ей за последние недели. Да и какой смысл бежать от демона? Договор поможет Дайне найти меня, где бы я ни спрятался.

Нора учуяла присутствие владельца сути на окраине Корвастаха, ближе к границе с Абестраном, примерно в паре часов езды от той деревни, души жителей которой стали кормом для Пожирателя. Дабы не рисковать быть обнаруженными раньше времени, мы открыли портал в Абестране и оставшийся путь через границу проделали верхом, для надежности укрывшись несколькими скрывающими барьерами, чтобы наш загадочный враг не учуял чей-либо дар.

Посоветовавшись, Лука и главы кланов решили, что последним участвовать в охоте на убийцу не стоит. Если все пойдет наперекосяк, Санмерат не должен остаться без присмотра. Также Лука счел необходимым оставить кого-то с Дайной. Охранять ее он поручил Гедеону, Исаю и Алисе. Отсутствию Гедеона я искренне радовался: наши с ним и без того натянутые отношения окончательно испортились. И если бы Лука предусмотрительно не держал его от меня подальше, то один из нас уже давно отправился бы в мир иной.

В отличие от солнечного Абестрана, Корвастах погодой

не радовал. Хотя после Санмерата даже унылое королевство колдунов казалось весьма теплым и приветливым. По крайней мере, тут не приходилось стучать зубами от холода или проваливаться по щиколотку, а порой и по колено, то в снег, то в лужи. Единственное, что удручало, – это отсутствие красок. Будто все цвета окружающего нас мира сожрала вечно висящая в воздухе мгла, оставив лишь тусклые оттенки, делающие пейзажи похожими на черно-белые наброски на холсте. Недаром именно мрачной природой Корвастаха часто вдохновлялись молодые поэты, слагающие стихи о бесконечных любовных терзаниях и снедающей душу тоске.

И если в бескрайних лесах, подобных тому, через который мы сейчас ехали, еще можно было найти нечто привлекательное, то города колдунов обычно навевали на мысли о смерти и тщетности бытия. Я вздохнул с неким облегчением, когда узнал, что не придется тащиться ни в один из них. Достаточно было подумать о черных и громоздких зданиях с остроконечными шпилями и отполированными до блеска стенами, чтобы почувствовать себя неуютно. Ровные, плотные ряды высоченных построек, множество кованых, массивных и объемных элементов на фасадах домов, оградах, фонарных столбах... Бесконечные черные улицы без единого клочка зелени заставляли ощущать себя так, будто ты провалился на дно темного каменного ущелья, которому не видно ни конца, ни края. Так же, как Свет жил в каждом уголке Вастангара, Тьма жила в каждом уголке Корвастаха. Вода и

та имела здесь оттенок, свойственный больше морю, на котором в ночи бушует шторм, нежели тихим прудам и озерам. Города Корвастаха меня душили даже больше, чем безжизненные пустоши Санмерата. Неудивительно, что тот, кто решил возродить запретное, предпочел обосноваться именно в королевстве колдунов. Хаос и Тьма почти неразличимы: при таком раскладе укрыться от посторонних глаз легко.

И все же оказаться за пределами особняка, пусть и под неусыпным надзором Теней, бросающих на меня недоверчивые, угрюмые взгляды, было приятно. Погрузившись в мысли о предстоящей встрече с убийцей Виктора, я наконец смог ненадолго избавиться от преследующих меня воспоминаний Дайны. Не верилось, что совсем скоро я взгляну в глаза человеку, разрушившему мою жизнь, смогу призвать его к ответу, доказать свою невиновность.

Я смогу вернуться домой.

От этой мысли в груди болезненно защемило. Вернуться домой – значит расторгнуть договор, снова забыть Дайну...

– Пришли, – сказала Нора, жестом давая нам понять, что нужно остановиться.

Лошади все как одна тревожились: рыли копытами землю, хрипели, фыркали, мотали головами. Макару пришлось наложить на них чары, чтобы успокоить. Мы спешили.

Я осмотрелся и не заметил ничего примечательного: все тот же унылый лес, редкий подлесок и легкий белесый туман, стелящийся тонкой пеленой у самой земли. Разве что

стало чуть холодней, а в воздухе едва уловимо ощущался уже знакомый гнилостный запах Хаоса. Но стоило взглянуть на мир магическим зрением, и становилась видна подрагивающая завеса, почти сливающаяся с пейзажем. Искусно наложенная, она выделялась лишь тем, что местами пространство слегка смазывалось, будто кто-то провел рукой по еще не высохшей краске на холсте.

– Впечатляет, – произнес Макар, вышедший чуть вперед. Волосы чародея сияли синим, а на кончиках пальцев то и дело вспыхивали разноцветные искры.

– Справишься? – спросил Лука.

– Придется повозиться, но думаю, что справлюсь.

– Окружаем? – поинтересовался я, параллельно пытаюсь пробиться сквозь полотно чар и понять, что может ожидать нас внутри.

Иллюзорные барьеры являлись большой редкостью, чаще ставили обычные: магические или колдовские. Чародеям обычно не хватало сил возводить преграды, ведь они не имели Истока, но если такие умельцы отыскивались, то барьеры получались восхитительными и коварными. Не заметив такой и войдя в него, человек рискует заплутать в паутине причудливых видений, которые могут бесконечно водить его кругами, лишая возможности отличить реальность от иллюзии. В итоге жертва умрет от истощения.

– Окружаем, – ответил Лука на мой вопрос.

Но прежде чем мы разделились, маг создал связующее за-

клинание, чтобы Тени могли слышать друг друга при необходимости. На запястье у каждого из нас появилась руна. Теперь, чтобы тебя услышал кто-то из связанных, достаточно было представить собеседника, и вот – вы уже можете общаться мысленно.

Тени двумя группами направились в противоположные стороны, обходя границу иллюзии. Мы с Макаром остались на месте, дожидаться, пока все займут свои позиции. Мне поручили защищать чародея, когда придет время пробиваться сквозь барьер. В том, что защита ему понадобится, я не сомневался. Пусть место обитания убийцы и было укрыто мощными чарами, не дающими даже предположить, что нас ждет по ту сторону, – магия не могла ошибаться, а она подсказывала не соваться туда, откуда веяло зловонием Хаоса. Но разве у меня был выбор? Я никогда не прощу себя, если позволю убийце ускользнуть.

– Почему не попросил научить тебя? – неожиданно спросил Макар.

– Ты о чем?

– Об обращении с ловцом воспоминаний. – Чародей выглядел непривычно серьезным, даже черты лица будто слегка изменились, заострились, отчего он стал казаться старше.

– Шутишь? – удивился я подобному заявлению.

– Похоже, что я шучу?

– Нет. – На шутника он и правда сейчас не тянул, слишком много непонятных мне эмоций плескалось во взгляде

цепких синих глаз. – Но и представить, что ты вдруг согласился бы помочь, не могу. Зачем тебе рисковать навлечь на себя гнев Дайны?

– Дайна, – усмехнулся Макар. – Больше не демон. Быстро ты сменил гнев на милость.

– Не о том речь. – Я потряс правой рукой, потому что кольцо вдруг начало неприятно покалывать кожу, чего прежде никогда не случалось. Странно. Неужели Истинной магии настолько некомфортно в этом месте, что она готова причинить мне боль, лишь бы заставить уйти подальше?

– Мне казалось, мы неплохо поладили, нолгурд. Если честно, немного обидно, что ты обратился за помощью к другой Тени, а не ко мне. Я бы смог научить тебя, как справиться с артефактом, не причинив вреда Дайне. – Макар нетерпеливо ходил туда-сюда вдоль преграды, поигрывая разноцветными искрами на пальцах. Мне даже пришлось усилить скрывающий барьер вокруг него, чтобы никто не учуял его беспокойный дар раньше времени и не обнаружил нас.

Слова чародея заставили меня насторожиться. Он знает о Селене?

– Ты равнодушно смотрел, как Дайна убивает. Помог ей одурачить меня. Я бы не сказал, что это способствовало развитию доверительных отношений между нами.

– Так вот оно что, – протянул Макар и остановился напротив меня, смерив обиженным взглядом. – А я-то, дурак, рассчитывал на благодарность за то, что помог тебе вернуть

магию, – совсем по-детски надулся чародей.

– С чего ты решил, что мне помог кто-то из Теней? – Я проигнорировал его обиду. Хотелось выяснить, знает ли он об участии Селены в истории с ловцом воспоминаний.

– Да тут и думать не надо, дружок. Во-первых, никто в Санмерате не продал бы запрещенный артефакт нолгурду, даже несмотря на то, что ты Тень. Во-вторых, у тебя сейчас нет средств, чтобы оплатить столь дорогостоящую покупку. Кто еще, кроме кого-то из Теней, согласился бы купить тебе подобную игрушку? – Макар сделал многозначительную паузу. – Правильно. Никто.

– Логично, – оставалось только согласиться. – Знаешь, кто это был?

– Думаешь, если бы мы вычислили виновного, то позволили бы ему спокойно разгуливать на свободе? Заруби себе на носу, красавчик, – чародей подошел ближе, и синие глаза приобрели оттенок льда, – ты жив только потому, что договор не счел тебя предателем. Если бы ты и правда хотел навредить Дайне, то уже давно общался бы с духами. Но ты ведь и так это понимаешь. Как понимаешь и то, что к твоему сообщнику мы не будем столь благосклонны. Раз уж он нашел способ обойти договор, придется Теням самим с ним разобраться.

– Помнится, чуть ранее ты сетовал на то, что не тебя я попросил о помощи. Я запутался. – Пришлось упереться рукой в грудь Макара, чтобы заставить его отстраниться.

– Сетовал. Ты прав. Я в корне не согласен с тем, что Дайна так долго скрывала от тебя прошлое. Я бы помог тебе от чистого сердца, ведь не понаслышке знаю, каково это – лишиться почти всех воспоминаний. – Чародей отступил и снова принялся расхаживать из стороны в сторону. Стало интересно, как и когда он лишился воспоминаний, но сейчас было не время для расспросов. Макар продолжил: – Дайна бы не оказалась заперта в своем сознании. Тот же, кто дал тебе артефакт, хотел, чтобы она там застряла. Я проверил ловца. Он был испорчен. Чудо, что ты смог выбраться. Не будь ты нолгурдом – помер бы.

Его слова ошарашили меня. Я чуть было не выдал наше присутствие, но успел в последний момент усмирить магию, яростно взвившуюся золотым вихрем в ответ на заявление Тени. Выходит...

– Ты сказал остальным?

– Только Луке. Потому он никого к тебе и не пускал. Опасался, что тебе могут навредить или убить, раз не вышло отправить в забытие вместе с Дайной.

– Лука защищал меня? – Эта новость поразила меня еще больше, чем известие о том, что Селена хотела навсегда избавиться от нас с Дайной. – Почему же не рассказали мне об испорченном артефакте?

– Доверие не является сильной стороной Теней, а ты еще и выкинул подобное. Боялись ошибиться. Вдруг ты бы предупредил сообщника, вдруг на самом деле...

Макар не договорил, потому что в наших головах прозвучал голос Луки: «Тени заняли свои позиции». Я призвал оружие и на всякий случай проверил защиту вокруг чародея, не переставая думать о Селене, которая вполне могла оказаться заодно с нашим врагом. Что если она предупредила его о приходе Теней? Что если мы идем в ловушку? Вдруг появление хозяина сути именно в тот момент, когда демон не способна вмешаться, – это заранее продуманный план? Предупредить Теней? А если Макар ошибся, и Селена ни при чем? Ее убьют из-за меня. Раздираемый сомнениями, я все же решил промолчать.

Макар сложил ладони перед собой, склонив голову, и начал читать заклинание. Его волосы взметнулись вверх от налетевшего из ниоткуда мощного порыва ветра, который нес в себе искрящуюся пыльцу. Пыльца устремила к преграде, закручиваясь смерчем вокруг нее и окрашивая до этого момента прозрачную стену всеми оттенками радуги. И чем сильнее становился вихрь, тем отчетливей проступал барьер, все больше начинавший походить на обычную разноцветную стену, будто кто-то хаотично наносил краски на ее поверхность широкими мазками. Еще через мгновение по преграде пошли трещины. Они стремительно расползались до тех пор, пока барьер не осыпался наземь тысячами цветных осколков, которые вновь рассыпались пылью и исчезли вместе с ветром.

Макар поднял голову и опустил руки, пошатнулся, я под-

держал его за локоть. Чародей тяжело, прерывисто дышал, на лбу проступила испарина. На все ушло совсем немного времени, но ему заклинание, видимо, обошлось дорого.

— Тьма проклятушая. — Он закашлялся и сплюнул кровью. — Таких иллюзий мне еще не доводилось разбивать. В преграду совершенно точно вплели запретное. Сила демона очень бы пригодилась. — Макар снова закашлялся, харкая кровью.

— Оставайся здесь. — Я хотел отвести его в сторону.

— Порядок. Через мгновение буду как новенький.

При взгляде на его бледное лицо в подобное верилось с трудом, но спорить было некогда.

За преградой не обнаружилось ничего примечательного. Лес внешне не изменился, лишь вонь усилилась. Тени также ничего пока не обнаружили. Мы решили медленно продвигаться вперед, постепенно сжимая кольцо окружения.

Я шел, напряженно озираясь по сторонам и ожидая нападения, но пока ничего не происходило. Макар следовал за мной. Кашлять он перестал, но по-прежнему тяжело дышал. Создавать какие-либо заклинания, кроме тех, что скрывали нас от посторонних глаз, никто из Теней не стал. Казалось подозрительным, что тот, кто сплел барьер, никак не отреагировал на его разрушение. К тому же было до сих пор не ясно, что пытались скрыть столь мощной иллюзией. Лес как лес. Но Нора упорно вела нас вперед, а Ищейки не ошибаются.

В этом мы убедились, когда структура тумана, стелющегося по земле, постепенно начала меняться, становясь все больше похожей на синевато-белесую дымку Хаоса. Перед нами возникла очередная стена чар. Макар страдальчески возвел глаза к небу.

– Сегодня определенно не мой день. Нужно будет сказать Дайне, чтобы привязала к себе еще одного чародея. Мне в помощь, – сказал Тень.

Он вышел вперед и снова призвал ветер с пылью. В этот раз преграда оказалась прочней и поддаваться не хотела. На мгновение мне даже показалось, что Макар может не справиться, но помочь ему, не выдав своего присутствия, не мог, как и остальные Тени, а позаимствовать сил у Дайны он не решился, боясь навредить ей еще больше. И все же иллюзия поддалась. Чародей посмотрел на меня с довольной улыбкой, едва не упав, но вовремя успел опереться о дерево.

– Идти сможешь? – спросил я, глядя, как он безуспешно пытается вытереть кровь, хлещущую из носа, рукавом своего черного балахона.

– Дай мне пару мгновений перевести дух.

И снова никакой реакции на рухнувший барьер, только дымки стало больше. Она уже не стелилась по земле, а доходила нам до пояса, став еще плотней.

Чушь какая-то.

Какой смысл возводить такие сложные иллюзии, если они ничего не скрывают? Мы что-то упускали из виду. Понять

бы что.

Деревянная хижина в лесу, на которую мы в итоге на-
ткнулись, мало походила на логово жестокого убийцы, тяго-
теющего к запретному: небольшой добротный домик с кры-
шей, поросшей мхом, и просторным крыльцом, огорожен-
ным невысокими грубо сколоченными перилами. На крыль-
це стояло кресло-качалка с аккуратно свернутым клетчатым
пледом и столик, который украшала ваза с букетом поле-
вых цветов. Чуть в стороне возле будки дремал лохматый ко-
ричневый пес, проигнорировавший наше с Макаром появле-
ние: должно быть, не учуял нас сквозь слой защиты, что я
по-прежнему поддерживал. Слева раскинулся скромный, но
ухаженный огороδικ, за ним виднелись курятник, рядом с
которым бродили куры, и загон для коз. Мило и уютно, если
не считать дымки, плотным кольцом окутавшей территорию,
прилегающую к хижине.

– М-м-м... да, – протянул чародей. – Ничего чудней мне
видеть не доводилось.

– Думаешь, очередная иллюзия?

– Определенно, нет. Это просто дом.

«Лука, вы это видите?» – произнес я мысленно.

«Да», – ответил маг.

«Мы войдем», – предупредил Макар остальных Теней.

При нашем приближении пес приоткрыл глаза и дернул ушами, шумно втянул носом воздух, а потом зевнул и снова лег спать. Половицы крыльца жалобно заскрипели, когда мы подошли к двери. Собака снова проигнорировала появление посторонних. Макар внимательно осмотрел цветы в вазе, провел рукой по перилам.

– Все настоящее. Никаких иллюзий, – сказал он.

Я кивнул и потянул за ручку двери, створка легко поддавалась, беспрепятственно впуская нас. Внутри домик оказался не менее уютным, чем снаружи, хоть и был обставлен скромно. На полу лежал длинный домотканый половик из ветоши, условно деливший помещение надвое. На одной половине расположились очаг, небольшой деревянный стеллаж с немудреной кухонной утварью, стол, накрытый вышитой по краям, потрепанной, но чистой скатертью, да две лавки. В противоположной части дома стояла узкая аккуратно застеленная кровать, а рядом с ней еще один стол с расставленными в строгом порядке письменными принадлежностями. Сбоку от стола возвышались ровные стопки старых, издававших виды книг. Среди них я заметил несколько штук, что мне прежде уже доводилось видеть в библиотеке демона: все они были посвящены истории магов тумана и происхождению их дара. В углу обнаружился сундук с массивным замком. Он-то и привлек мое внимание: от него веяло Хаосом. Стоило подойти ближе, и по телу пробежала неприятная дрожь, а кожу болезненно защипало. Макар тоже по-

ежился, передернув плечами.

– Я бы на вашем месте даже не пытался его открыть, – раздался голос за нашими спинами.

Мы резко обернулись. Я мгновенно призвал оружие, руки Макара окутало разноцветное свечение. Как кто-то смог подобраться к нам, пройти незамеченным мимо Теней?

– Ну надо же, – продолжил незнакомец, – Арий Вейд собственной персоной.

Крепкая мужская фигура, одетая в простые широкие холщовые штаны и рубаху, переместилась из дверного проема в центр комнаты. Было невозможно разглядеть лицо человека, потому что оно попросту отсутствовало и, скрытое мощными чарами, представляло собой смазанное нечто без носа и рта, на котором, словно два драгоценных камня, ярко сверкали льдистые глаза. На шее незнакомца красовался черный ошейник, испещренный рунами, подобный тем, что надевали на меня демон и Лука. Но даже несмотря на артефакт, от него тянуло смрадом Хаоса. Я рискнул предположить, что к запретному он прибегает уже очень и очень давно, раз пропах им насквозь. И если туман демона ощущался неконтролируемой мощью, веющей чистой морозной прохладой, и пах свежей кровью, то от хозяина хижины несло гниющими трупами и затхлым сырым воздухом подземелий.

– Кто ты? – вопрос, на который я не рассчитывал получить ответ.

– Сука, – выругался мужчина, уставившись на браслет, по-

даренный мне Дайной. – Так вот почему я уловил твое присутствие так поздно. Демону уже пора бы научиться не лезть, куда не просят. Ее постоянное вмешательство очень вредит нашим планам.

– Нашим? – спросил я, ощущая, как кольцо на мизинце снова начало жечь.

– Нашим, – повторил незнакомец. – И все же ты здесь. Сам пришел ко мне в руки. Неожиданно. Но так даже лучше. Ваша Ищейка, сама того не желая, оказала мне услугу, приведя тебя. Момент весьма подходящий. Особенно если учесть то, что демон сейчас не в состоянии вам помочь.

Уверен, будь у моего собеседника лицо, по нему бы сейчас расплылась самодовольная улыбка. Откуда ему известно о Дайне, я даже предположить не мог. В поместье есть предатель? Селена? Она все подстроила? Почему Тени до сих пор не ворвались сюда? Что вообще происходит? Мужчина вел себя пугающе уверенно и спокойно для человека, которого вроде как застали врасплох.

– Дружочек, кем бы ты ни был, – заговорил Макар, – боюсь, тебя уже не ждет ничего хорошего. Неважно, здесь Дайна или нет. От Теней еще никто не уходил. Ты прислал Пожирателя в наш дом и ответишь за это.

– Тени... – Незнакомец сделал шаг по направлению к нам, я закрыл собой чародея, угрожающе подавшись вперед. – Такие же самонадеянные, как и ваша хозяйка. И за свою самонадеянность вы поплатитесь. Надеюсь, у демона на примете

есть новые кандидаты на ваши места.

С этими словами хозяин хижины сорвал ошейник.

У нас с Макаром глаза на лоб полезли от удивления, когда его руки окутал алый туман.

Невозможно!

Еще через мгновение он бросился на меня, сжимая в руке черный меч. Его оружие отличалось от оружия демона: меч был один и куда массивнее легких клинков Дайны. Я отразил удар и сразу же атаковал. Макар отскочил в сторону, давая мне место для маневров, и начал создавать заклинание, чтобы разрушить чары, скрывающие лицо убийцы, попутно накинув на меня флер – заклинание, позволяющее сделать мое тело практически невидимым. Воспользовавшись коротким замешательством противника, потерявшего меня из виду, я ударил его концентрированным сгустком магии. Мужчину подбросило и швырнуло о стену, от следующей атаки он увернулся, и золотой шар угодил в стену, обрушив добрую ее половину. Незнакомец выскочил на улицу, я нагнал его в центре двора, отпустил меч, вскинул руки в стороны – десятки золотых струн взметнулись из земли, создавая вокруг беглеца подобие клетки. Тот в свою очередь рубанул по ним мечом, но не смог разрушить. Я бегло огляделся в поисках Теней, но их нигде не было видно или слышно, позвал мысленно – никто не откликнулся. Сделав еще пару движений руками, заставил струны опутать мужчину, который все это время безуспешно пытался их разрубить. Золо-

тые нити впились в его тело, рассекая плоть, опутали запястья, вынуждая отозвать оружие.

Замешательство, возникшее, когда мы увидели туман, исчезло. Этот человек не был и вполовину так силен, как Дайна. В нем определенно теплилась сила Хаоса, но ее было ничтожно мало. Столь скудный запас дара никак не вязался с его смелыми словами. Но меня тревожило отсутствие Теней и то, что кольцо на мизинце по-прежнему неприятно жгло кожу, словно магия пыталась донести до меня нечто важное, но я не понимал ее.

Струны окончательно опутали незнакомца, лишив его возможности даже пальцем шевельнуть. К нам подошел Макар, скинул с меня флер и протянул руку к лицу пленника, намереваясь разрушить маску, которая уже пошла мелкими трещинами.

И тут за нашими спинами раздалось утробное рычание – проснулся пес. Все бы ничего, но он вдруг начал меняться, постепенно превращаясь в густое марево, а уже через мгновение перед нами стояло жуткое нечто – огромная восьминогая тварь, отдаленно похожая на паука, с телом, покрытым чешуей стального цвета и четырехглазой мордой с вытянутой клыкастой пастью.

– Рнирх, – пробормотал Макар, застыв в изумлении. – Быть не может.

Уточнять, что такое рнирх и откуда он взялся, было некогда. Чудище взревело и кинулось на нас. Я снова призвал

оружие и едва успел выставить защиту, чтобы тварюга не прибила Макара. Удар когтистой лапы обрушился на барьер, но тот устоял, хоть и задрожал, грозясь рассыпаться. Я атаковал. Лезвие меча оставило лишь царапину на прочной чешуе. Зверюга тут же потеряла интерес к чародею и переключилась на меня.

– Найди остальных! – воскликнул я, пытаясь перекрычать рев монстра.

Макар бросился к лесу, но с разбегу ударился о дымку и повалился навзничь. Пленник громко рассмеялся.

– Отсюда вам не уйти. Вы станете прекрасным обедом моему питомцу и его друзьям.

– Ну это вряд ли, – только и успел ответить я, уворачиваясь от очередного удара, которые рнирх наносил с завидной скоростью.

Стоя на шести лапах, он орудовал двумя передними, молотя ими без разбора и ловко кружа вокруг меня, не давая приблизиться. Дождь из игл против него тоже не сработал: они не пробили толстенную чешую, а от магических путей монстр пока что успешно уворачивался. Я отшвырнул тварь атакующим заклинанием, оторвав ему лапу. Рнирха отсутствие конечности не сильно замедлило. Он мотнул головой, приходя в себя, и снова ринулся в атаку. Дымка тут же потянулась к зверюге. Лапа отросла. В точности как с Пожирателем.

Какого хрена тут происходит?!

«То, что рождено в Хаосе, умереть не может. Лишь уснуть», – вспомнились слова Пожирателя.

Пока я раз за разом отрывал монстру конечности, выискивая слабое место в чешуе, чтобы наконец отправить его спать дальше, Макар пытался обрушить дымку. Дар чародея хлестал во все стороны, окрашивая пространство всеми цветами радуги. Сам чародей при этом выглядел так, будто одной ногой был уже в Мире духов. И все же ему удалось надорвать заклинание, удерживающее дымку. Завеса таяла медленно, нехотя отступая под разноцветными волнами чар. И вскоре мы увидели Теней.

Они сражались в лесу, их силуэты то и дело мелькали меж деревьев, как и всполохи заклинаний. Больше двух десятков рнирхов не давали им и близко подступить к хижине.

Дела были плохи. Наш пленник громко и гадко рассмеялся.

– Колдунам и магам не совладать с Хаосом, – хохотал безликий. – Без демона вы все обречены!

В его словах определенно была доля правды. Рнирхи были не похожи ни на что в нашем мире. Мы не знали их слабых мест, не понимали, что они такое и в чем источник их силы. Меня рнирх почти не ранил – пара незначительных царапин. Теням же досталось куда больше. Я не мог толком разглядеть, но краем глаза уловил, что они сражались на пределе возможностей, израненные и измученные. Монстры застали их врасплох. Порождения Хаоса в таком количестве

даже им были не по зубам. Я понял, что нам не выстоять, когда надрывно закричала Руфина, бросившись к Луке. Один из рнирхов сбил его с ног и, придавив к земле, начал раздирать грудь когтями. Руф отбросила монстра от мага, но сама едва стояла на ногах, уже даже не пытаясь призвать оружие. К ним устремились остальные Тени, но рнирхи преградили им путь...

Макар почти обрушил дымку, я в очередной раз отшвырнул своего рнирха куда подальше.

Думай, Арий!

Дайна когда-то сказала мне, что я – Свет. Агата говорила, что духи мне благоволят. Они позволили воспользоваться Истоком и сбежать. Что если тот голос в моей голове в день смерти Виктора – это голос духов? Что если они помогут снова?

Макар разрушил барьер, скрывающий хижину, и потерял сознание. Кричала Руфина, зовя на помощь, – Лука умирал. Монстры теснили и окружали Теней, заставляя их сбиться в кучу.

– Духи Вознесенные, даруйте мне милость. Позвольте коснуться чистого Света Истока, – прошептал я и сорвал браслет Дайны, надеясь, что не совершаю ошибку.

На миг все замерло.

А потом рнирхи ринулись ко мне, учуяв ненавистную им Истинную магию.

– Назад, тупые твари! Назад! – закричал пленник, трепы-

хаясь в путах.

«Возвращайтесь в Санмерат. Я задержу монстров», – сказал мысленно Теням.

Больше я не видел и не слышал ничего, кроме чудовищ, с ревом несущихся на меня, отпустил дар, позволил ему вспыхнуть со всей силой, воззвал к Свету. И Свет ответил, устремился в мое тело. Я дождался, пока рнирхи подберутся как можно ближе, а потом вскинул руки в стороны, посылая в пространство так много дара, как только мог, и все вокруг утонуло в золоте Истинной магии. Казалось, будто солнце рухнуло на землю, опалая и ослепляя весь мир своим сиянием.

Я пришел в себя от того, что кто-то нещадно лупил меня по щекам. Рядом на корточках сидела Нора.

– Очухался наконец. Слава Тьме, не придется тащить твою тушу на себе. – Колдунья тут же поднялась и отошла в сторону, одарив меня своим излюбленным неприязненно-презрительным взглядом.

Мы все еще были в лесу. Я лежал перед хижинкой, а вокруг валялись обугленные останки рнирхов. К моему удивлению, больше ничто и никто не сгорел.

– Почему вы не вернулись домой? – спросил я, опираясь на протянутую Тимуром руку, чтобы подняться. Дара не

осталось ни капли, даже стоять ровно получалось с трудом.

С облегчением заметил пришедшего в себя Макара, которого поддерживал Тарас.

– Ты же правда не думал, что мы тебя одного тут оставим? – ответила Селена вопросом на вопрос, попутно создавая портал в Санмерат.

Выглядела Истинная отвратно в рваной и залитой кровью одежде, впрочем, как и все остальные.

– Давайте быстрее, – поторопила Руф. – Он долго не протянет.

Она сидела рядом с Лукой, чье дыхание уже едва угадывалось. Маг застонал, когда близнецы аккуратно подняли его и пронесли через портал.

– Где он? – Я огляделся по сторонам, прежде чем войти в портал следом за остальными.

– Исчез, – ответила Ия. – Мне жаль, Арий, мы не успели его задержать.

– Главное, что все живы. – Сбежавший пленник и правда волновал меня сейчас меньше всего.

– Боюсь, что это ненадолго.

Селена переместила всех в главный вестибюль особняка, где нас уже ждали Алиса, Исай и Гедеон.

– Тьма всемогущая! – воскликнула ведьма, взглянув на Луку. – Несите его наверх. Живо!

Алиса провозилась с раненым не один час. Тени толпились рядом, не решаясь уйти. Маг умирал. Мы все это по-

нимали и не хотели упустить момент, когда придет время прощаться. Ведьма старалась изо всех сил, лила дар, не щадя себя, но ее старания были напрасны, а использовать силу Дайны она сейчас не могла. Мы не знали, как это может отразиться на демоне.

Время давно перевалило за полночь. Лука так и не пришел в себя, он цеплялся за жизнь из последних сил, но с каждым часом становился все бледнее, дыхание его слабело, раны не затягивались, вены под кожей почернели. Как оказалось, когти рнирхов ядовиты, и теперь яд, которого попало в кровь слишком много, отравлял тело мага, утягивая его в Хаос.

Тени один за другим подходили к кровати Луки и прощались. Я наблюдал за всем, стоя в стороне. Меня грызло чувство вины, а бессилие петлей сдавило горло.

Неожиданно я ощутил Дайну, уловил ее приближение еще до того, как она вошла в спальню: бледная, измученная, с растрепанными волосами, босая, в широкой черной тунике и штанах. Туман клубился у ее ног, колебался и дрожал подобно пламени: беспокойно, нетерпеливо. Рядом с ней, прижав уши, стоял Сумрак. Дайна молча разглядывала нас, и от этого взгляда кровь стыла в жилах. Радость от того, что она очнулась, очень быстро сменилась предчувствием беды.

Она медленно подошла к кровати и взяла за руку Луку.
– Только попробуй умереть, – сказала демон.

Глава 2. Пробуждение

Дайна

– Ма-а-а-ма! Ма-а-а-ма! – звонкий детский голосок эхом разносился по лесу, уже который раз заставляя меня нервно вздрогнуть. – Ну где же ты, мама? Выходи!

– Сестренка! – От очередного громкого возгласа с близстоящих деревьев испуганно вспорхнули птицы. – Почему ты прячешься? Поиграй с нами!

– Вы не настоящие, не настоящие, – прошептала я, тряхнув головой, будто это могло помочь отмахнуться от назойливых голосов, следующих за мной по пятам.

Но тут же криво усмехнулась, едва не зайдясь в приступе истерического смеха от бессилия, которое стало моим привычным спутником в последние несколько дней. А может, и не дней вовсе? Кто знает, как течет время там, в реальном мире, за пределами моего разума. Надо отдать должное нолгурду, он все же нашел способ избавиться от меня. Хотя не думаю, что Арий намеренно запер меня здесь. Скорее сгруппил, одержимый желанием узнать правду об ЭрASTE с Еленой.

А вот кто точно осознавал, что делает, так это Селена. Благо нолгурд подумал о ней в тот самый момент, когда разо-

рвал заклинание, и теперь мне не придется пытаться каждую Тень и самого Ария, чтобы отыскать виновного в случившемся.

Однако Селена была сейчас далеко не самой главной проблемой.

Мне необходимо найти способ вернуться.

Как бы я ни злилась на Селену и Ария, их выходка помогла многое понять. Взглянув на собственные воспоминания под другим углом, я смогла увидеть то, что столько лет ускользало от моего внимания. Понять наконец, что произошло в ту злополучную ночь семьдесят семь лет назад.

– Ма-а-а-а-ма! Мама! – голос сына звучал все ближе, скоро они меня отыщут.

Я сильнее зажала рукой рану от когтей на боку в бесполезных попытках остановить кровотечение. В этом мире, порожденном моим разумом, магия не существовала. Ни залечить раны, ни открыть портал. Единственный вариант – бежать, но и на это сил почти не осталось. Пришлось затаиться на дне глубокого оврага, чтобы перевести дух. Его почти отвесные края были покрыты торчащими в разные стороны корнями могучих деревьев. Корни сплетались между собой, образуя местами некие подобия навесов, присыпанных прелой листвой, опавшей хвоей и мелкими ветками. Под одним из таких я и спряталась. Убежище не ахти какое, но все же.

Этот лес я знала как свои пять пальцев, ведь провела в нем немалую часть своего детства и юности. Когда-то, во време-

на процветания Санмерата, он назывался Дивным лесом, но сейчас не имел со своим названием ничего общего. Едва ли умирающие растения могли казаться кому-то дивными, как и сочащаяся отовсюду зловонная скверна вперемешку с гниющими трупами животных, которые то и дело попадались на пути. Дно оврага не было исключением: прямо передо мной валялись полуразложившиеся смердящие тушки лисы и двух лисят с кишачными на них белыми личинками.

– Сестренка! – раздалось совсем близко. – Мы знаем: ты где-то рядом! Выходи, Дайна! Давай играть!

Дыши, демон. Успокойся и думай. Думай.

Преодолевая слабость и боль, я с трудом поднялась на ноги, подтянувшись за корни. Надо уходить. Осознание того, что происходящее лишь иллюзия, порожденная моим воспаленным сознанием, не меняло одного факта: все ощущения были абсолютно реальными. Но клокочущая внутри ярость не давала опустить руки и сдаться. Только не теперь, когда я наконец узнала правду о смерти Елены и Эраста.

Отомстить! Вернуться и отомстить!

Я двинулась по дну оврага на северо-восток. Если дойду до гор Прародителей – выиграю немного времени, смогу спокойно все обдумать. Идти бесшумно по земле, усыпанной мелкими сухими ветками и листвой, задача крайне затруднительная. Все усугубляла глубокая рана на боку и сломанная лодыжка, которая опухла и болела при каждом шаге так, что хотелось волком выть. Живот скрутило от голода,

мучила жажда, кожа на губах стала сухой и растрескалась до кровавых болячек, но охотиться и искать чистую воду, не загрязненную скверной, попросту не было сил и возможности.

С тех самых пор, как я застряла здесь, приходилось почти непрерывно бежать. Мой разум, видимо, решил, что будет очень весело воскресить всю погибшую родню рода Дивьер, придав им образ восставших мертвецов, и натравить их на меня. Не имея при себе оружия и магии, я не могла полноценно сражаться с такой толпой. Тем более не могла убить их, пусть и в иллюзорном мире. Они пострадали при жизни, поэтому заставить их страдать снова было выше моих сил. Вот я и скрывалась, продолжая надеяться, что смогу найти способ выбраться прежде, чем мстительные трупы разорвут меня на куски. Правда, они то и дело настигали меня. Пока что мне удавалось худо-бедно отбиваться и сбегать, но силы были на исходе.

Рельеф начал постепенно меняться, овраг заканчивался, и его высокие края сходили на нет, лишая защиты от преследователей. Голоса за спиной не стихали, постепенно окружая со всех сторон. Каждый новый возглас впивался в мозг острой занозой, требуя остановиться.

– Дайна, милая, – голос мамы обволакивал, звучал подобно нежному журчанию воды. – Не беги. Иди ко мне. Я так скучала, дочка.

Уже в который раз зажала уши ладонями, но не помогло. Я все равно их слышала, они звучали в моей голове неров-

ным пронзительным хором, пытаюсь свести с ума, заставить забыть, сдаться.

Я устала. Очень.

Тело было измотано, но еще больше был измотан разум. Я могла заставить себя идти, могла игнорировать боль, не обращать внимания на голод и холод, вот только не могла перестать слышать. Пережив сотни пыток, залечив тысячи ран, умерев и воскреснув десятки раз, я оказалась не в силах вынести встречу с теми, кого потеряла. Слезы катились по щекам, смешиваясь с кровью и грязью на лице. Грудь сдавило от рвущихся наружу рыданий. Такие странные и давно забытые ощущения.

«Не смей проявлять слабость! Ты же демон! Похоронила их однажды, сможешь сделать это снова!» – внушала я себе.

В очередной раз запнувшись о корень, который не заметила под густым ковром из листьев, повалилась на землю. Попытка подняться не увенчалась успехом, как и несколько последующих. Сломанная нога раздулась до невероятных размеров и приобрела фиолетово-черный оттенок: кровь скапливалась под кожей. Нашла острую палку, еще одну зажала в зубах, и с силой вонзила первую туда, где образовалась опухоль, кровь хлынула из раны. Я подумала, что было бы хорошо хоть как-то зафиксировать ногу, но не успела этого сделать.

– Мама, – раздался голос у самого уха.

Они меня нашли. Снова. Я замерла, не решаясь обернуть-

ся. На плечо легла ладошка с длинными когтями и кожей синюшного оттенка.

– Мы не виделись так долго, мама. Неужели ты не хочешь обнять меня?

– И меня обними, Дайна, – следом за Константином появился Рафаэль. – Я тоже скучал.

Брат стоял передо мной и кошмарно, неестественно улыбался. В этом ходячем трупe с серовато-синим оттенком кожи и черными кругами под безжизненными глазами, будто подернутыми белесой дымкой, с трудом узнавался задорный, пышущий здоровьем одиннадцатилетний мальчуган. некогда белоснежные волосы были словно покрыты слоем вековой пыли, а одежда свисала рваными клоками. На шее Рафаэля красовался безобразный рубец, как если бы кто-то наспех пришил его отрубленную голову к телу неровными стежками, слишком сильно стягивая края.

– Больше никогда не бросай нас, мама, – вторая рука сына обвила шею, ледяная щека прижалась к моей.

От его тела веяло могильным холодом и пахло сырой землей. Меня точно парализовало на мгновение, время остановилось. Неважно, как Константин теперь выглядел, он все еще оставался моим сыном. Моя плоть и кровь. Больше всего сейчас хотелось стиснуть в объятиях этих двоих и больше не отпускать. Никогда. Просто быть рядом с ними. Пусть они мертвы, пусть это лишь иллюзия и...

Я сдалась.

Впервые за более чем тысячу лет жизни позволила себе перестать бороться. Распахнула объятия навстречу Рафаэлю, а он с радостью бросился в них. Но едва мои руки сомкнулись вокруг хрупкого детского тельца — я рухнула во мрак.

Открыв глаза, долго лежала и таращилась в каменный потолок, пытаюсь сообразить, что произошло. И если тот факт, что меня бросили в темницу, заковав в кандалы, был очевиден, то понять, кто я и почему меня пленили, не могла. Где-то на задворках памяти ворочались мутные образы, но тут же исчезали, стоило лишь захотеть рассмотреть их внимательней.

Тело нещадно ныло от боли, а от холода трясло так, что со стороны это, должно быть, выглядело так, будто я быюсь в конвульсиях. Сесть удалось далеко не с первого раза. От головокружения я валилась с ног на сырой каменный пол снова и снова, пока наконец не нашла в себе силы подползти ближе к стене и привалиться к ней спиной. Кандалы на руках и ногах, от которых к массивным кольцам, закрепленным в полу, тянулись цепи, ощущались неподъемными. Каждая мышца налилась свинцовой тяжестью. Нестерпимо хотелось есть и пить. Я облизнула потрескавшиеся губы, озираясь по сторонам в надежде, что мой тюремщик оставил где-нибудь миску с водой или кусок хлеба. Ничего.

Камера была довольно просторной, но абсолютно пустой. В ней не нашлось даже какой-нибудь грязной вонючей тряпки, которой я могла бы прикрыться, чтобы немного согреться. Из крошечного зарешеченного окошка под потолком в помещение проникал тусклый лунный свет, ложась на пол параллельными тонкими полосами, где-то с потолка капала вода, изредка до моих ушей доносился крысиный писк. По стенам сновали мокрицы и многоножки, противно шурша лапками. Не сразу до меня дошло: несмотря на темноту, я все прекрасно вижу, а еще слышу самые незначительные звуки. Люди, даже владеющие даром, на такое не способны без заклинаний. А у меня и дара-то нет.

Думай. Кто ты? Почему оказалась здесь?

Память подводила. Все, что мне виделось, это даже не воспоминания – спутанные образы, которые упорно не желали складываться во что-то стоящее, да редкие алые слепящие всполохи перед глазами.

Лунный свет сменился серыми предрассветными сумерками, когда сколоченная из толстых досок дверь камеры со скрипом отворилась. На пороге, мило улыбаясь, возникла девушка с пепельно-белыми волосами и темно-зелеными глазами в легком кремовом платье, расшитом золотыми узорами и мелкими драгоценными камнями. В руках незнакомка держала большую деревянную кружку.

В нос ударил запах крови.

В мгновение ока я, позабыв о боли и кандалах, метнулась

в сторону пепельноволосой в попытке выхватить кружку, но длина цепей не позволила к ней приблизиться. Замерев буквально в полуметре от нее, я зарычала, подобно дикому зверю. Не знала, что умею так.

Девушка даже не шелохнулась.

– Проголодалась? – спросила она с издевкой, качнув кружкой.

– Кто ты? – Снова дернулась, силясь дотянуться до кружки. – Почему я здесь?

– Потому что я решила, что тебе будет полезно побыть одной, поразмыслить. Осознать, до чего ты докатилась. Во ЧТО меня превратила.

– Что за бред ты несешь?

Я не поняла ни слова из сказанного ей.

– Скоро вспомнишь, – сказала она и выплеснула содержимое кружки мне под ноги. – На вот, жри, мерзкое животное.

Она ушла, громко хлопнув дверью, заскрежетал засов. Я тут же рухнула на колени, принялась макать пальцы в кровь, разлитую по полу, и облизывать их. Голод усилился в сто крат. Лихорадочно пыталась собрать все до последней капли, но жидкость неумолимо стекала в расщелины между камней, впитывалась в шероховатую поверхность. Пришла в себя, когда чуть было не начала облизывать пол.

Я повалилась навзничь и громко рассмеялась. Браво, Дайна! Заточила в темницу саму себя. Что-то новенькое. Отползла от лужи крови и, снова прислонившись спиной к сте-

не, прикрыла глаза.

Арий, гаденыш, я с тебя шкуру спущу, когда вернусь! Заставлю самого с пола жрать! Вот ведь свалился на мою голову. Бедствие ходячее!

Поправочка – *если* вернусь.

Прошлая я определенно решила устроить «веселую» жизнь мне нынешней. Надо понять, как с ней справиться, но сначала нужно найти способ хоть немного восстановить силы. Не успела поразмыслить об этом, как почти сразу же провалилась в глубокий сон, и, к счастью, сновидения мне не докучали.

Разбудили меня до смешного банально – вылили на голову ведро ледяной воды. Никакой фантазии, даже стыдно за себя стало.

– И тебе доброе утро, – сказала я, все так же с трудом садясь и отжимая волосы.

– Ну что, пришла в себя?

Мое второе я стояло, глядя на меня сверху вниз с насмешливой улыбкой. Судя по одежде, оно возникло из тех времен, когда Санмерат еще процветал. Ведь после начала войны я больше не носила платья в повседневной жизни.

– Вполне. – Встала, разминая затекшие конечности и трясясь от холода, голос тоже дрожал, вторя телу. – Ты надеешься, что я сдохну от переохлаждения? Или решила меня голодом уморить?

– Ни то ни другое. Тебе вовсе не обязательно умирать.

Принцесса (так я решила про себя ее называть) отошла в сторону и щелкнула пальцами. В углу камеры возникло кресло. Поудобней усевшись в него, она вновь заговорила:

– Я хочу вернуть себя, а ты как-никак часть меня. Надеюсь, ты вспомнишь, кем была, и позволишь мне снова жить, не прячась в твоей тени. Станем единым целым, и мне не придется тебя убивать.

– Ты поджала хвост, как трусливая псина, и спряталась, когда погиб Артур. Только и делала, что рыдала ночами в своем шатре, жалея себя, но продолжала следовать указаниям отца и убивать. *Ты* вела магов тумана. *Ты* пролила так много крови, принесла столько страданий, что люди вынуждены были назвать нас демонами. *Ты* одиннадцать лет служила тирану, несла смерть и разрушения, не находя в себе сил противиться его решениям! – Я ударила кулаком в стену, сдирая в кровь костяшки пальцев. – Мне *пришлось* загнать тебя куда подальше!

– Ты предала свой народ! Убила их всех! Ты убила Рафаэля! – Принцесса вскочила, ее лицо исказила гневная гримаса.

– И спасла сотни тысяч жизней, – тихо ответила я, оперевшись рукой о стену и опустив голову.

– Ты уничтожила все, что было мне дорого, лишила меня всех, кого я любила, – всхлипнула она. – Превратила меня в монстра.

– Такова цена столетий мира и процветания.

Эту фразу я вколачивала в свой мозг десятилетиями, не позволяя себе думать, что все могло бы быть иначе, что здравствовать и процветать сейчас мог бы мой народ. Правда, на трупах жителей других королевств.

– Такова цена, говоришь?! Так посмотри еще раз. Внимательно. Вот чем ты оплатила «столетия мира и процветания».

Принцесса снова щелкнула пальцами, и стены камеры исчезли. Я, все еще прикованная к полу цепями, оказалась на большой открытой каменной площадке, парящей в черноте, в окружении всех тех, кто когда-либо погиб по моей вине. Сотни родных, до боли знакомых лиц, а за их спинами еще сотни тех, кого я никогда не знала. Они стояли недвижимо, не моргая, глядя перед собой. Больше не люди – окоченевшие трупы.

– Ты правда думаешь, что проймешь меня подобным? – Я надменно усмехнулась. – Ты глубоко заблуждаешься, если считаешь, что они до сих пор не приходят ко мне во снах.

– Знаю, что приходят, – ее голос доносился из толпы, но самой принцессы не было видно. – Но не пойму, отчего ты упорно не желаешь признавать, что я по-прежнему жива. Что могу любить, быть милосердной, человеческой. Ведь Гедон научился чувствовать полноценно. Так что мешает нам? Я найду в себе силы простить тебя. Мы снова станем одним целым и будем нести добро. Избавим Санмерат от грязи, которая его наводнила.

— Грязи? — Я запустила пальцы в волосы, разглядывая трещины на полу, и угрожающе добавила: — Любой, кто посмеет назвать Теней или членов кланов грязью, умрет.

— Только и умеешь, что запугивать! Только и умеешь убивать! Бездушное чудовище! Гадкая тварь, превратившая мою жизнь в нескончаемый кошмар, — надрывный голос эхом разносился над толпой. — Ты вернешь мне меня, хочешь того или нет.

— Вот уж не думаю.

— Посмотрим. Убейте ее! — приказала принцесса.

Толпа мертвецов пришла в движение. Они нехотя, лениво заворочались, будто пробужденные от долгого сна, разминая одеревенелые конечности. Во взглядах безжизненных мутно-белых глаз теперь угадывалось нечто сродни осмысленности.

Понятия не имела, что случится, если я умру в своем же сознании, но выяснять, чем это кончится, желанием не горела. Мертвецы все еще двигались неспешно, медленно приближаясь ко мне со всех сторон плотным кольцом: сын и брат, родители, бабушки и дедушки, кузины и кузены, друзья, Артур, Леон, все Тени, которых я потеряла за сотни лет, и простые жители Санмерата. Родные, когда-то дорогие сердцу, и... неожиданно, вторя толпе, вдруг ожили мои чувства. Увядавшие когда-то, они стремительно разрастались, опутывали сознание своими корнями, вновь становясь настоящими, глубокими, полноценными. Они пронзали разум,

отравляли его своим непрошеным появлением. Заставили меня замереть при виде близких, склонить голову и покорно ждать неминуемой кончины.

Вот только...

Я давным-давно ни перед кем не склоняла головы и не намеревалась склонять впредь. Все эти люди в прошлом, которое я не властна изменить. Не властна воскресить никого из них. Но в силах *простить* себя. Спустя столько лет наконец отпустить. Не принцессу Санмерата я должна вернуть, а окончательно принять демона. Ведь, как оказалось, очень глубоко внутри, под слоем вековых воспоминаний, пропитанных горечью потерь, злобой и ненавистью, все еще тлеет желание обрести себя прежнюю.

Мертвецы окончательно расшевелились и ринулись в атаку, бессвязно мыча. Оружия у меня по-прежнему не было, как и магии, а проклятые цепи не давали свободно двигаться. Я отбивалась, как могла, но понимала, что конец неизбежен: нападающих слишком много. Рано или поздно они разорвут меня на куски, навалившись всей толпой. Я упала, со всех сторон ко мне тянулись руки с длинными, острыми ногтями, которые вонзались в тело, выдирая из него куски плоти. Трупы дергали за цепи кандалов, разрывая связки и суставы, пинали ногами. Я уже ничего не видела сквозь заливающую лицо кровь. Еще немного и они растащат меня по частям.

Я хохотала как безумная. Проиграть самой себе. Как же это жалко.

Но вдруг символы на спине обожгло огнем. Тени! Нет, нет, нет! Во что они там вляпались без меня?! Лука! Лука умирает... Я не могу потерять его! Надо вернуться! Надо очнуться, спасти его!

«Это твой разум, Дайна. Здесь лишь ты хозяйка», – принялась я повторять себе снова и снова и искать лазейку в заклинании, пленившем меня, но иллюзорная реальность не желала отпускать, ловец воспоминаний держал крепко. Здесь мое тело было бесполезно, оно стремительно умирало, свет перед глазами мерк. Вместо вдохов – булькающая в горле кровь, вместо рук и ног безвольно болтающиеся ошметки плоти...

Ну же, монстр, просыпайся! Не время отдыхать! Шевелись, бестолковая, ленивая скотина! Иначе, клянусь Тьмой, я добровольно прыгну в Хаос, лишь бы вечно изводить тебя голодом!

Туман наконец-то испуганно встрепенулся, недовольно заворчал. Встряхнулся, сбрасывая оковы вынужденного сна и забвения. Оскалился, готовый сражаться, окутал меня коконом, взвился смерчем. Магия хлынула по венам, насыщая тело силой и стремительно залечивая раны, руша заклинание, созданное ловцом воспоминаний.

Рукояти мечей привычно легли в ладони, а мир вокруг окрасился алым.

– Вы погибли давным-давно. Я больше не позволю воспоминаниям терзать себя! – крикнула я толпе, отбрасывая их

в стороны волнами тумана.

Повалившиеся мертвецы тут же начали неуклюже подниматься. Толкаясь и спотыкаясь друг о друга, они вновь готовились нападать. Я тоже поднялась. Каждое движение все еще сопровождалось острой болью, а местами на теле не хватало кусков кожи и мяса, но обращать внимание на подобные мелочи было не в моем духе. Я уже давно не изнеженная принцесса.

Я – повелительница Санмерата!

Кандалы и цепи упали, громко звякнув о пол.

Трупы ринулись в атаку. Черный клинок описал дугу в воздухе, и Артур, который оказался ближе всех, рухнул, разрубленный пополам. Его тело тут же рассыпалось прахом, который подхватил и унес внезапно поднявшийся ветер. Следом и на остальных мертвецов обрушился град стремительных ударов. Никто из моих противников не был реален, но отнимать их жизни все же оказалось нелегко. Десятки родных лиц, исчезающих и растворяющихся в моем сознании. Атака за атакой. Слезы градом лились по щекам, словно выплескивалась наружу вся та боль, что копилась в сердце столетиями. Впервые с момента своей казни более тысячи лет назад я позволила себе почувствовать отупляющую скорбь, ощутить мучительную вину, сжигающую изнутри, выжигающую все человеческое. Я убивала их одного за другим и теперь прощалась навсегда. Вместе с телами и прахом отпускала прошлое. Оно больше не давило на плечи,

оставляя лишь легкую грусть в истерзанном потерями сердце. Я нужна живым, нужна такой, какой стала. Им нужна демон, а они нужны мне!

– Я люблю тебя, милая. – Мама до последнего стояла в стороне, не нападала, не вмешивалась и заговорила только тогда, когда, кроме нас с ней, больше никого не осталось.

– И я люблю тебя.

Подойдя к ней, крепко стиснула в объятиях, уткнувшись лбом в плечо, и глубоко вдохнула, надеясь ощутить знакомый аромат полевых цветов, которые она так любила собирать когда-то, но от нее пахло лишь сыростью.

– Прости за все, – прошептала я.

Черный кинжал, призванный на смену мечам, мягко вошел в сердце, и мама исчезла, теперь точно навсегда, а вокруг воцарилась тишина.

– Ты... – раздался взволнованный голос за спиной. – Ты плачешь? Неужели снова готова позволить себе чувствовать, вернуть меня?

Я увидела надежду, искрящуюся в зеленых глазах, когда повернулась и посмотрела в лицо принцессе, возникшей рядом со мной.

– Ну что ты за наивная дура? – ответила, покачав головой и вытирая мокрые от слез щеки. – Я плакала не потому, что вдруг решила снова позволить себе чувствовать. Я только что оплакивала последние крохи человечности, которые еще оставались во мне, окончательно похоронив прошлое,

долгое время не дававшее покоя. — Приблизилась к ней, смерив брезгливым взглядом. — Я навсегда похоронила никчемную тебя.

Принцесса негромко вскрикнула, когда мои клыки впились ей в шею, несколько раз дернулась в попытке освободиться и вскоре затихла. Я позволила бездыханному телу рухнуть на землю. Оно не рассыпалось прахом, как все предыдущие, и я пару мгновений стояла неподвижно, глядя в широко распахнутые зеленые глаза, ощущая пьянящую легкость и наслаждаясь ею.

— Ну что, дружочек, остались только ты и я, — обратилась к туману, который багровым ковром устилал пол, закручиваясь красивыми спиралями и перекатываясь плавными, неспешными волнами.

Красная масса замерцала ярче, коснулась рук, подобно зверю, жаждущему ласки.

— Готов вернуться?

Я очнулась посреди ночи. В камине догорал огонь, на прикроватном столике стояла ваза с шикарным букетом, а рядом с ней стакан со свежей кровью Гедона. Запах колдуна витал в комнате, им же пахла соседняя подушка, на которой вверх обложкой лежала раскрытая книга. Должно быть, он проводил здесь немало времени, пока я валялась в беспамятстве.

Геден заметнo мeнялся. Раньше, случись со мной подобное, он бы заглянул пару раз для приличия и снова бы исчез по своим делам. Для колдуна было пыткой сидеть на одном месте, он не умел проявлять заботу в привычном нормальным людям понимании, а сентименты его всегда злили.

Я чуть ли не залпом осушила стакан и сразу же направилась к Луке, не удосужившись даже взглянуть на себя в зеркало, а видок у меня, скорее всего, был сейчас отвратный. Пару раз я чуть не упала посреди коридора, потому что от слабости подкашивались ноги, от голода кружилась голова. Пришлось опираться о стену. Туман встревоженно клубился вокруг, будто вопрошая: «Я помог, я тебя защитил. Ты же несерьезно насчет Хаоса? Не станешь нас туда отправлять?»

Еще на подходе к комнате Луки ощутила присутствие всех Теней. Прежде чем я вошла, передо мной возник Сумрак. Волк было радостно кинулся ко мне, но я на него шикнула, давая понять, что для объятий и радостного воссоединения время неподходящее. Зверь обиженно прижал уши, поджал хвост и, понуро опустив голову, поплелся за мной. Позже обязательно заглажу вину и проведу с ним время.

Тени, столпившиеся вокруг кровати Луки, выглядели так, будто их всех разом погрызла гигантская стая фурий. В комнате разлило кровью. Я с трудом подавила порыв вгрызться в шею Норе, которая стояла ближе всех к двери. Не знаю, что с ними произошло, но потрепало их знатно. Никто не произнес ни слова, когда я вошла, не бросился с радостью на

встречу. Они слишком хорошо меня знали, чтобы мгновенно уловить в каком бешенстве я пребываю, оставаясь спокойной внешне. И дело было не только в Луке, меня раздирало от желания вцепиться в глотку Велору, а следом и Анне! Но этим займусь позже, сейчас важен лишь Лука.

Не говоря ни слова, я подошла к магу, лежащему в кровати, и взяла его за руку. Тени расступились, не сводя с меня настороженных взглядов.

– Только попробуй умереть, – сказала я Луке и скользнула убийственным взглядом по Селене, стоящей по другую сторону кровати.

Истинная нервно сглотнула и мгновенно побледнела. Я криво усмехнулась.

– Что с ним? – спросила у Теней.

– На него напали рнирхи, – ответила Руфина.

– Рнирхи? – На мгновение мне показалось, что я ослышалась. – Так это они вас так отделали?

– Дайна... – начал было Тимур, но я жестом приказала ему молчать.

– Объяснять будете потом. Яд? – уточнила у Алисы.

Ведьма кивнула.

Твою мать! Глядя на начавшую чернеть кожу Луки, я не могла не понимать, что он обречен. Даже если Алиса вытянет сейчас из меня все силы до последней капли – уже слишком поздно. Ни одна ведьма не исцелит его, ни один артефакт не поможет. Я лихорадочно пыталась найти решение. Потерять

Луку я не могла. Прибегнуть к запретному? Без толку. Среди запретного нет заклятий, способных исцелять. Велеть Захару переселить душу, пока ее не сожрал Хаос. Куда? В кого? Пока будем искать подходящий труп – Лука умрет, да и дара однозначно лишится, даже если выживет. Был бы у нас Истинный, готовый отдать свои жизненные силы другому...

Решение пришло неожиданно. Я снова посмотрела на Селену. Истинная сделала пару шагов назад, определенно, уловив ход моих мыслей.

– Ты же не станешь делать глупостей и пытаться сбегать? – Я начала медленно обходить кровать. – После того, что ты сделала, жить тебе в любом случае осталось недолго.

– Так не тяни. Убей, и дело с концом, – с вызовом ответила Селена.

– И впустую истратить столь мощную жизненную энергию? Ну уж нет. Ты сама себя убьешь – отдашь свою жизнь Луке.

– Дайна, ты чего?! – воскликнула Алиса.

– Умом тронулась? – спросила Харита.

– Ты не в себе? – Исай приблизился ко мне.

Остальные тоже наперебой начали галдеть, чтобы я одумалась.

– А ну, заткнулись все! – рявкнула я и обратилась к Арию, молча стоящему в дальнем углу: – Расскажешь нам, кто дал тебе артефакт?

Все уставились на нолгурда.

– Судя по всему, ты и так уже знаешь, – Арий тяжело вздохнул, продолжая стоять неподвижно, привалившись плечом к стене. Что-то в нем меня насторожило, даже не в нем, а в его магии. Дар нолгурда будто стал немного иным. Странно. Но сейчас не до этого.

– Ах ты сука! – Гедеон метнулся к Селене, но его вовремя перехватили близнецы.

– Угомонись, Гедеон, – приказала я и спросила у Селены: – Есть что сказать в свое оправдание?

– Лишь то, что попытаться стоило. Я бы поступила так еще раз, будь у меня шанс, в надежде, что ты наконец-то сгинешь! – зло выпалила она.

– И как за столько столетий я не разглядела, какая же ты на самом деле безмозглая пустышка? Не думала поговорить с ним, прежде чем пытаться избавиться от меня. Глядишь, чего и вышло бы.

– Поговорить?! – с отчаянием воскликнула Селена. – О, поверь, я поговорила. Как идиотка, потащила к нему после нашего с тобой последнего разговора, прислушавшись к твоему совету. И знаешь что? Ничего! Ему плевать. Ему ты нужна. Я призналась в чувствах, просила расторгнуть проклятый договор! – голос Селены то и дело срывался на крик. – Унижалась, извинялась за все те годы, что относилась к нему с презрением. Умоляла дать нам шанс, начать все с чистого листа, но он высмеял меня и послал куда подальше.

Тени непонимающе переглядывались, перешептывались,

до них постепенно начал доходить смысл сказанного Селеной, и они косились на Гедео́на, глаза которого пылали гневом. Даже Сумрак наблюдал за происходящим с интересом, склонив голову набок и наострив уши.

– Я тебя сам прикончу, – прорычал колдун и снова бросился на Истинную, но близнецы и в этот раз его сдержали.

Казалось, что злость, переполняющая меня, вскоре станет осязаемой: так много ее было. Она выплескивалась наружу красными всполохами. Я понятия не имела о разговоре Селены и Гедео́на. И уж точно не думала, что ее помешательство на нем выльется в нечто подобное. Я села на кровать, уронив голову на руки.

Тьма извечная! Как же меня все достало!

– Я лишь хотела освободить тебя от ее пагубного влияния, – тем временем продолжила Селена, взирая на колдуна с трепетным обожанием, которого теперь не скрывала. – У меня не было выбора. По доброй воле ты бы от нее никогда не отказался.

– Ты ее чуть не угробила, идиотка больная, – процедил Гедео́н сквозь зубы, пытаясь вырваться из рук близнецов. – Я тебе собственными руками шею сверну.

– Я любила тебя! – Селена сама подошла к нему. – Любила. И люблю. Я должна была сделать хоть что-то. – Она виновато опустила голову, нервно теребя подол платья.

– Да ты меня за человека не считала все эти столетия. – Глаза колдуна почернели от злости, но кидаться на нее он

перестал. – Сама же и сделала все для того, чтобы я ненави-
дел тебя.

– А что мне еще оставалось?! Бегать за тобой, бесконечно унижаясь, в ожидании пока ты снизойдешь до того, чтобы позволить мне провести пару ночей в твоей постели? Видела я этих дурочек, что вечно вьются вокруг тебя. Жалкие. Никогда бы не простила себя, если бы стала одной из них. – Теперь Селена гордо вскинула голову, глядя на Гедеона с вызовом, и произнесла следующие слова с откровенным презрением, ткнув в меня пальцем: – Она сделала тебя таким. Она отняла у нас возможность быть нормальными и жить счастливо.

– Да ты точно умом тронулась. – Гедеон отпрянул от Истинной, как от прокаженной.

– ДОВОЛЬНО. – Я встала с кровати, опершись о столбик балдахина, потому что голова опять закружилась. – Слушать весь этот бред и дальше я не намерена. Плевать мне на твои мотивы, Селена. Важно одно – ты предала меня. И вдобавок чуть не угробила Ария. Я приговариваю тебя к смерти. Ты отдашь свою жизнь Луке.

Я ждала, что Арий взбунтуется, бросится на защиту Селены, но он не проронил ни слова, лишь не сводил с меня тяжелого виноватого взгляда, полного раскаяния и таящегося в самой глубине страха. Молчали и остальные Тени – они знали правила. Сумрак прижал уши и отошел к нолгурду, сев у его ног. Мы ждали. Я была уверена, что Селена не

воспротивится моему решению. Она прекрасно осознавала неизбежность своей кончины, понимала, что ей не сбежать и не скрыться. Но Истинная меня удивила.

– Нет, – твердо сказала она. – И не подумаю. Я готова принять смерть, но спасти Луку не стану. Его кончина принесет тебе страдания. А я буду счастлива умереть, зная, что ты страдаешь.

– Артачиться вздумала? – Я сделала шаг в сторону Селены.

– Не смей приближаться! – воскликнула она.

Золотой браслет в виде змеи на ее запястье ожил, перетек в ладонь Истинной и принял форму кинжала, который она приставила к своему горлу.

– Я умру, – ее голос звучал уже не так уверенно, выдавая страх, – но на своих условиях.

– Как бы не так, – ухмыльнулась я и вскинула руку в сторону Гедеона.

Кольцо тумана обвило шею колдуна и, повинуясь моему приказу, сдавило горло. Он начал задыхаться.

– Дайна, остановись! – воскликнула Руфина, бросившись ко мне.

– Демон! – следом за ней кинулся Арий.

Взмахом второй руки я возвела стену из тумана, не дав никому из Теней приблизиться к нам троим.

Гедеон упал на колени, жадно хватая ртом воздух и тщетно пытаясь сделать вдох. Он старался сорвать с шеи удавку,

но пальцы проходили сквозь туман, и колдун попросту сдирал ногтями кожу.

– Ты не убьешь его, – испуганно прошептала Селена, чей голос терялся на фоне криков Теней, молотящих по барьеру.

– Почему нет? – Я изобразила спокойное равнодушие. – Он обманул меня, нарушил правила, когда решил воспитывать Зарину. Я все еще зла на него. А ты подлила масла в огонь. Меня, признаться, порядком утомили поклонницы Гедеона, которые творят Тьма знает что. Нет колдуна – нет проблем. К тому же будете наконец вместе. – Выдержала недолгую драматичную паузу и добавила: – Во Тьме.

Я шевельнула пальцами. Туман окутал тело Гедеона, Тень повалился на бок и находился на грани того, чтобы потерять сознание. Еще одно движение руки, и к алому туману при-
мешался черный. Вся эта смесь потянулась тонкой струйкой к моей ладони. Благодаря договору я могла забрать себе жизненную силу любого из Теней, где бы они ни находились. Именно это сейчас и делала – туман поглощал силы колдуна. И, признаться, я была зла и голодна настолько, что в голове пульсировала навязчивая мысль: а не прикончить ли его взаправду? Хватит с меня сюрпризов в виде детей и ополоумевших влюбленных дур, портящих мне жизнь.

Тени кричали, чтобы я отпустила Гедеона, и пытались разрушить барьер. Ослепляющие всполохи заклинаний один за другим врезались в преграду, и по ней разбегались трещины, но я не глядя латала ее снова и снова. По ту сторону

туманной стены в камине неистово полыхал огонь, рвался наружу, языки пламени лизали каменную кладку, оставляя следы черной копоти на украшенном искусной резьбой портале, обрамляющем топку. Разлетелось вдребезги большое напольное зеркало, когда в него отрикошетило заклинание, в стене появилась огромная выбоина, от которой во все стороны разбежались трещины, опалило ковер на полу и часть мебели, вспыхнули портьеры на окнах, но кто-то тут же их потушил. Я игнорировала Теней. С нашей стороны барьера не было жара. Моему сердцу куда милей холод, и когда злилась я, все вокруг покрывалось инеем и морозными узорами, сковывало льдом. Это происходило и сейчас.

– Остановись! – крикнула Селена, убирая кинжал, который снова стал золотой змеей на ее запястье. – Я все сделаю. Отпусти его.

– Я отпущу Гедеона, когда увижу твой бездыханный труп. Шевелись, у него осталось не так много времени.

Доказательством моих слов послужило то, что Гедеон перестал сопротивляться и все-таки потерял сознание.

Селена, не теряя времени, села на кровать, бросив последний взгляд на Теней, которые тотчас же перестали пытаться сокрушить барьер, поняв, что жизнь Гедеона больше вне опасности, и теперь наблюдали за нами молча. Истинная положила руки на грудь Луке, ее тело объяло золотистое свечение, которое потянулось к магу. Жизненная сила Селены искрящимся потоком утекала сквозь ладони. Вены под кожей

Луки окрасились золотом. Селена бледнела, а на его лицо возвращались краски, дыхание становилось ровней и глубже, с тела постепенно исчезали черные пятна.

Когда силы Селены иссякли, и она упала на Луку, я ощутила обжигающую боль на спине – один из символов исчез.

Алиса, сотрясаясь от рыданий, уткнулась в грудь Исаю, который стиснул ее в объятиях огромными ручищами. Руфина тоже плакала, но тихо, лишь изредка всхлипывая. Глаза заблестели даже у Ии. Близнецы, ссутулившись и поникнув, таращились в пол. Макар оцепенел, вцепившись в рукав Тараса, и только синие волосы слабо мерцали. Харита крепко сжала руку Норы, прикрыв рот ладонью и стараясь подавить всхлипы. Сама Нора застыла, не моргая глядя на труп Селены, а ее свободная рука слегка подрагивала. Лица Ария я не видела. Нолгурд отвернулся к окну и стоял так, поглаживая по голове Сумрака, который жался к его ногам, жалобно поскуливая. Я знаю, что Тени и сами убили бы Селену, узнай они, что случившееся ее рук дело. Но все же она была частью семьи, и им нужно время, чтобы смириться с потерей.

Барьер исчез, как и туман, окружавший Гедеопа.

Близнецы пришли в себя первыми. Они, не дожидаясь приказа, осторожно вынесли тело Селены.

– Вы тоже уходите, – бросила я оставшимся Теням, опускаясь на колени рядом с Гедеоном.

Тени без возражений покинули комнату. Остались только Арий и Сумрак.

– Дайна, я не хотел навредить тебе.

– Не сейчас, нолгурд, – сказала я. – Исчезни с глаз долой, пока и тебе не досталось. Я не в настроении выслушивать твои оправдания.

– Как пожелаешь.

Но прежде чем уйти, Арий взял пустой стакан, стоящий рядом с графином на тумбе возле кровати, порезал запястье и наполнил его кровью до краев. Молча поставил стакан на пол рядом со мной и вышел, позвав с собой Сумрака.

Я пила кровь мелкими глотками, растягивая удовольствие, и ждала, пока Гедеон очнется.

– Ты чуть не убила меня, – сипло пробормотал он, открывая глаза и прожигая меня сердитым взглядом.

– Если честно, в какое-то мгновение я всерьез подумала об этом. Так что ты еще легко отделался. Считай это запоздалым наказанием за твою ложь.

Мой голос прозвучал обыденно, даже насмешливо, но где-то в глубине сознания кольнуло дурное предчувствие: прежде я бы и мысли не допустила о том, чтобы взаправду навредить Гедеону, а сегодня едва сдержалась.

Погладила колдуна по щеке, провела пальцами по красной полоске, оставленной удавкой, и царапинам на шее. Злость немного схлынула, и пришло осознание, что я все же скучала по нему, хоть Гедеон, пусть и невольно, доставил за последние недели хлопот больше, чем за четыре с половиной столетия жизни с Тенями, будто всерьез вознамерился сопер-

ничать в этом с нолгурдом.

– Тьма всемогущая, сколько сил ты вытянула? Мне даже говорить тяжело.

Он взял меня за руку и поцеловал в ладонь, его кожа была ледяной, а колдовство почти не ощущалось.

– Через сутки восстановишься.

Гедеон застонал и, раскинув руки в стороны, снова закрыл глаза.

– Тогда я проведу эти сутки тут, на этом самом полу, потому что сил встать ты мне не оставила.

– Не прибедряйся, – фыркнула я и отодвинулась, привалившись спиной к изножью кровати. – Вставай и проваливай к себе.

– И не подумаю. – Гедеон придвинулся ближе, положил голову мне на колени и крепко обнял, уткнувшись лбом в живот. – Хоть представляешь, как ты меня напугала. Я боялся, что ты уже никогда не очнешься.

– Что со мной станется. – Я принялась перебирать волосы на его затылке. – Лучше скажи, почему не убили меня?

– Велор сказал, что в случае с ловцом воспоминаний подобное не сработает, – невнятно пробормотал Гедеон.

Хотела ответить, но поняла, что он уснул. Должно быть, и правда переборщила, забрав у него слишком много сил. Я откинула голову назад и тоже прикрыла глаза, но спать не собиралась. Я думала. О Елене и Эрасте, о Велоре и Анне, о том, как теперь быть с Арием и как рассказать ему правду.

Думала о рнирхах и Хаосе.

А еще о том, что Лука впадет в бешенство, когда очнется и увидит, что стало с его шикарной спальней, порядок в которой маг обычно поддерживал с дотошной педантичностью.

Глава 3. Разочарование

Дайна

Визит к Велору пришлось отложить на сутки, вопреки тому, что хотелось помчаться к нему тотчас же, как Лука очнулся, – голод стал нестерпимым. Благо близнецы предусмотрительно притащили в поместье каких-то двух бедолаг, которыми я и перекусила прямо на тренировочной площадке, нарушив свои же правила не охотиться дома. К тому же мы с Лукой не один час говорили о случившемся в Корвастахе. Появление рнирхов было событием из ряда вон выходящим и, что уж греха таить, пугающим. Вопросов возникло столько, что голова шла кругом! Еще тревожило то, как именно Арий с ними справился. Но разбираться в этой бесконечно растущей кучей дерьма следовало постепенно, чтобы ненароком не наломать дров.

Я ушла на рассвете следующего дня, взяв с собой лишь Сумрака. Тени мне в Ларвитале ни к чему, в особенности Арий. Признаться, я позволила себе проявить малодушие и попросту избегала его все эти сутки. Разговоры по душам никогда не были моей сильной стороной, и преподносить дурные вести деликатно и мягко я не умела. Подтвержу свои догадки, вот тогда и расскажу. Нолгурд сейчас только путался

бы под ногами, как и Лука со своими непрощенными советами и наставлениями. Последний и без того уже пытался читать мне нотации касательно смерти Селены вместо слов благодарности, чем вывел из себя еще больше. Он, видите ли, считал, что это ниже его мужского достоинства – спасти ценой жизни женщины. По словам Луки, стоило казнить ее по правилам, а ему самому дать умереть достойно, как истинному воину.

В Ларвитель я прибыла, когда едва забрезжил рассвет. Сегодня дольше обычного стояла и смотрела на дворец Нейдгардов – прощалась. Чутье подсказывало – я не ошиблась. Велор предал.

Вдыхая прохладный утренний воздух, пропитанный дивными ароматами трав и цветов, я вспоминала нашу первую встречу, вспоминала молодого чародея, которым когда-то любовалась...

Ему минуло всего двадцать пять, когда мы познакомились. При не слишком приятных обстоятельствах, надо сказать. Велора и его сестру Радугу похитили, чтобы надавить на их отца Лавра Нейдгарда. Лавр был главой Старших чародеев, человеком влиятельным и суровым, с непоколебимыми принципами, неподкупный, преданный своему королю и стране безоговорочно. Он ратовал за простолюдинов, борясь с классовыми неравенствами, и нередко выступал против зажавшихся высокородных. Властью никогда не злоупотреблял и в целом жил по совести. Король Ларвиталия к нему при-

слушивался, Старшие чародеи уважали, народ обожал. Но, естественно, немало нашлось и тех, кому Лавр был как кость в горле.

Даже когда Велора и Раду похитили, Лавр до последнего не желал идти на уступки врагам и выполнять их требования склонить совет Старших чародеев к решениям, которые были выгодны злоумышленникам. За упрямство отца расплатились дети. Однажды утром Лавр с женой получили отрубленные кисти своих отпрысков с запиской, в которой похитители обещали прислать головы Велора и Рады, если глава семейства не перестанет упрямиться.

Люди Нейдгардов к тому времени уже сбились с ног, пытаясь отыскать пленников, но так и не вышли на их след. Тогда-то Лавр, всегда выступавший за то, чтобы сравнять Санмерат с землей, дабы избавить мир от всякой погани, пришел ко мне. Одним духам ведомо, чего ему стоило просить о помощи демона.

Я помогла. Тени нашли и спасли Велора и Раду, покарали врагов Лавра. Чародей щедро заплатил, и больше мы с ним не виделись. А спустя пару лет на границе Санмерата объявился Велор, требуя от стражей отвести его ко мне. Поступок молодого чародея меня заинтриговал. Я велела провести его через Буйные земли и доставить в поместье.

Тогда Велор был просто душкой: длинные фиолетовые волосы, наивные глаза того же оттенка, высокий, прекрасно сложенный. Мне, определенно, нравилось то, что я видела, а

ему, определенно, нравилась я. О чем он без промедления и стеснения сообщил. Оказалось, Велор грезил о нашей встрече с того самого момента, как я выволокла его за шкуру из вонючего сырого подземелья, где их с сестрой держали, и передала в руки отцу. Признание в любви от молодого чародея, который видел меня всего раз в жизни, вызвало лишь смех. Что Велора ничуть не смутило, и он ответил: «Понимаю, что вас, вероятно, шокировали мои откровения. Потому дам вам время все обдумать». Видит Тьма, мало кому удавалось так меня развеселить. Тогда я подумала, что он больной на всю голову. Это ж надо додуматься припереться в Санмерат и признаваться в любви демону. Я попросту вышвырнула его, запретив возвращаться.

Но Велор вернулся. Каждую неделю он появлялся на границе и нередко сидел там сутками, ожидая моего появления. Так прошел год. Стражи к нему привыкли и даже жалели, время от времени составляли ему компанию и делали ставки на то, чем же все закончится. Я назойливого ухажера игнорировала, не желая путаться ни с кем из высокородных.

Мое терпение лопнуло, когда непутевого жениха чуть не сожрали голодные фурии. Последнее, что мне было нужно, это труп наследника Нейдгардов у границы Санмерата. Я велела стражам выбить из него дурь, чтобы раз и навсегда отпало желание возвращаться. Но, как говорится: для любви не существует преград. Велор залечил раны и пришел снова. Казалось, уже весь Санмерат следил за развернувшейся

на их глазах драмой. Тени и вовсе развлекались от души: не проходило ни дня, чтобы кто-то из них не пошутил на данную тему.

Будь на месте Велора любой другой, убила бы, и дело с концом, но лишать жизни Проникающего из рода Нейдгардов явно не стоило.

Я сдалась спустя еще полгода. Не потому, что вдруг прониклась симпатией к надоедливому обожателю, а потому, что искренне восхищалась его упрямством и бесстрашием. Гедеону понадобилось почти два десятилетия, чтобы решиться поцеловать меня, а Велору хватило мимолетной встречи, чтобы вспылать любовью и заявить во всеуслышание о своих чувствах. Это было донельзя мило и забавно. Я перестала злиться и теперь искренне развлекалась, наблюдая за влюбленным по уши чародеем и помыкая им, как в голову взбретет.

Наш роман протекал бурно, страстно, ярко. Велор отдавал всего себя, а я позволяла ему любить. Он верил, что является единственным мужчиной в моей жизни, и я не спешила возвращать его с небес на землю. Осознала, что заигралась, слишком поздно.

Лавр примчался ко мне, пылая яростью. Велор признался отцу, что у него роман с демоном, говорил о взаимной и большой любви и том, что принял решение отречься от семьи и стать Тенью. Я о подобном слышала впервые, потому малость опешила. Мне Велор в Санмерате на хрен не сдал-

ся, да и из Теней никто, слава Тьме, помирать не собирался. Уверила разъяренного родителя, что волноваться не о чем, и отправилась к горе-любовнику. Долго пыталась вбить в его башку, почему наш союз невозможен, но упрямец отказывался слушать. А потом и вовсе опустил на одно колено, предложив выйти за него. Мое терпение трещало по швам. В итоге я вывалила на него правду: он не единственный мужчина в моей жизни. Единственный – Геден. Остальные, включая самого Велора, – развлечение.

А дальше понеслось. Чародей каким-то чудом умудрился выследить Гедена за пределами Санмерата и попытался убить, тот в свою очередь чуть не прикончил Велора. Лавр рвал и метал, когда полумертвого сына доставили во дворец. Мать Велора, узнав обо всем, свалилась с сердечным приступом, сестра попыталась покончить с собой в страхе, что, прознай о случившемся хоть кто-то, на их семью ляжет несмыслимое клеймо позора, они станут изгоями и лишатся всего. Велор же, как только пришел в себя, снова начал рваться в Санмерат, жажда все же прикончить Гедена и доказать, что лишь он один заслуживает быть рядом со мной. Никакие разговоры не могли его вразумить. Он словно помутился рассудком.

Тогда я сделала то, что умею лучше всего, – заставила Велора бояться. Пришла к нему в покои, втащив за собой одного из его стражников, и разорвала ни в чем не повинного парня на куски на глазах у застывшего от ужаса чародея. По-

сле пригрозила:

– Если не угомонишься, буду убивать до тех пор, пока до тебя не дойдет. Понадобится, прикончу всю твою семью. Тебе же сохраню жизнь, чтобы скорбь и чувство вины сжирали твою душу день за днем.

Только после этого Велор наконец успокоился. Я не видела его много лет, но из слухов знала, что он женился по настоянию семьи.

Прошло больше полувека, прежде чем чародей снова появился в моей жизни. Изменился. Возмужал. Исчез озорной блеск в глазах и слепое обожание. На их место пришла какая-то горестная отстраненность, смешанная с благородным смирением. Велор держался гордо и уже не смотрел, словно преданная собачонка, робея от каждого моего слова, в нем появился стержень. Впервые мы говорили на равных. Говорили долго.

Чародей благодарил. За проведенное вместе время, за то, что не позволила ему совершить глупость и разрушить жизнь, став Тенью. Наконец осознал: для таких, как он, Санмерат не место, да и жизнь в изгнании, вдали от близких, стала бы для него мукой. И все же... по-прежнему любил. За столько лет так и не сумел забыть.

– Будь со мной пока это возможно. – Я чувствовала, как тяжело тогда давались ему эти слова. – Я смирюсь и с Гедеоном, и с остальными. Ты мне нужна, пусть даже так, пусть на краткие мгновения.

Я не решилась наступать на те же грабли, хоть Велор меня и привлекал, очень привлекал. Мы не стали опять любовниками, но, вопреки всему, смогли стать друзьями. Делили друг с другом горе и радость, порой разлучались на годы, а иногда виделись чуть ли не каждый день. Он так никогда больше и не полюбил. Жену уважал и ценил, но не испытывал к ней даже мимолетного влечения, других женщин в его жизни не было. Иногда я даже чувствовала что-то похожее на укоры совести: не реши я тогда позабавиться, жизнь Велора могла бы сложиться иначе. Возможно, чародей женился бы по любви, обрел бы счастье. Однако все вышло так, как вышло.

А сейчас прошлое и вовсе потеряло значение. Велор предал. К сожалению, не он первый и уж точно не последний. Вот уже в который раз я убеждалась: рано или поздно даже самые близкие вонзят нож тебе в спину. Сколько их набралось за сотни лет и не счесть. Предательство давно перестало приносить боль. А вот гнев... Гнев захлестывал с головой, мутил рассудок, шептал из глубины сознания: «Убей... Накажи...»

Я стояла у кровати в покоях Велора и смотрела на спящего чародея. Сквозь щель между плотными порттьерами пробивались первые солнечные лучи, касаясь иссохшей морщини-

стой ладони, лежащей поверх покрывала жуткого ярко-желтого оттенка с не менее жуткой красной вышивкой. Усмехнулась. За столько лет дружбы с чародеем так и не привыкла ко всей той безвкусице, которой он себя окружал. Пусть интерьер спальни и был выполнен в чуть более сдержанных тонах, чем кабинет, все же вызывал желание сжечь это место дотла, только бы сберечь глаза от сумасшедшего буйства цветов. Сколько раз мы до хрипоты спорили о том, каким должно быть жилище. Он называл мой особняк склепом, я говорила, что его дворец изнутри похож на цирковой балаган. Мы вообще часто спорили, а с возрастом Велор и вовсе стал несносен, ворчал из-за любой ерунды и верил, что старость делает его всегда правым, забываясь, сколь молодым он по-прежнему оставался рядом со мной.

– Я боялся, что ты не очнешься, – тихий, слегка хриловатый ото сна голос вывел меня из задумчивости.

Сумрак, радостно виляя хвостом, запрыгнул на кровать, норовя облизать чародею лицо. Я специально взяла волка с собой, хотела, чтобы и он попрощался, за столько лет зверь тоже привязался к Велору.

– Ты не убрал мои пространственные метки из дворца. – Я пристально вглядывалась в давно увядшее лицо, на котором знала наизусть каждую морщину.

Пространственные метки давали мне возможность открывать порталы в обход защитных барьеров и стражи. Давным-давно Велор позволил оставить такие в его доме, чтобы

я могла беспрепятственно приходить, когда захочу.

— Что бы мне это дало? — Велор, кряхтя, откинул покрывало в сторону, кое-как отбившись от любвеобильного Сумрака, и сел, сунув ноги в стоящие у кровати тапочки; я взяла с кресла халат из синего бархата и протянула чародею. — Можно подумать, заперевшись во дворце, я бы спасся от твоего гнева.

Он надел халат и попытался пригладить ладонью спутанные волосы, встав напротив меня.

— А я-то до последнего надеялась, что ошиблась.

— Я до последнего надеялся, что ты ничего не увидела. — В глазах Велора не было страха, лишь усталость, смешанная с сожалением. — Видят духи, я едва не лишился дара, чтобы не дать Арию использовать артефакт. Но куда мне, старику, тягаться с молодым нолгурдом в силе.

— Почему ты все скрыл? — Я схватила его за плечи, легонько встряхнув. — Виктор угрожал тебе, твоей семье?

Пусть скажет, что его заставили лгать, пусть скажет, что ему не оставили выбора!

— Никто мне не угрожал. — Чародей убрал мои руки, шаркая, обошел и, раздвинув портьеры, распахнул балконные двери, впуская в комнату прохладный утренний воздух; спальня наполнилась солнечным светом, звуками журчащих водопадов и фонтанов, мелодичными трелями птиц. — Я сам принял решение молчать после того, как узнал правду и поговорил с Виктором и Анной.

Я, замерев, смотрела на напряженную спину Велора, худые, нервно подрагивающие плечи, сжатые в кулаки ладони, разметававшиеся в беспорядке редкие седые волосы. Перед глазами проплывали десятки наших встреч и разговоров: то, как он утешал меня, шепча, что однажды убийца отыщется, как рассказывал о жизни Ария, убеждая, что все к лучшему, ведь мальчик не терзается воспоминаниями.

Столько слов. Пустых. Лживых.

– Рассказывай, – не просьба – приказ.

Я устала ото лжи, ее становилось слишком много в моей жизни. Для разнообразия хотелось услышать правду, какой бы паршивой она ни оказалась.

Велор медлил. Он по-прежнему стоял ко мне спиной, и я не видела его лица, но слышала трепещущее сердце. А потом старик заговорил, и каждое произнесенное слово будто осколок стекла вонзалось в мое и без того истерзанное сердце, уничтожая то небольшое, что не изранил Черный сапфир. Мой безупречный самоконтроль трещал по швам. Хотелось сжаться в крошечный комок и забиться в самый темный угол, хотелось быть раненым зверем. Я не верила своим ушам, не верила тому, сколь далека была от истины все эти годы. Но больше всего поражало то, что Велор, мой Велор, которого я так ценила и уважала, оправдывал Виктора и Анну.

Какая же ты безмозглая дура, Дайна! Решила тогда поиграть в человечность, благородство, поступить по совести, в

кои-то веки отступиться и проглотить обиду, чтобы у мальчишки было будущее. Кретинка! Все, чего я добилась этим для Ария, – помогла Виктору и Анне опутать его паутиной лжи.

Велор замолчал и, наконец, повернулся. Блеклые глаза блестели, а по сухой морщинистой щеке тянулся влажный след от одиноко скатившейся слезы.

– Ты бы убила их, узнай правду. – Чародей порывисто обхватил мое лицо ладонями. – Оставила бы Павла и Ария сиротами, лишила бы Вастангар мудрого правителя, тем самым свергнув королевство в смуту. Ты от ярости себя не помнила. Никто бы не достучался до тебя тогда.

– Они убили единственного человека, который мог избавить меня от проклятия! – Я схватила Велора за шею, приподняв над полом. – Она одна могла прекратить мои мучения! Даровать свободу и покой! Я могла стать человеком, Велор! Ты знал это! Знал!

– Ты... – хрипел старик, цепляясь тонкими пальцами за мою руку, – ты...

– Я впервые за тысячу лет жила, Велор, потому что Елена подарила мне надежду, потому что она верила, что я заслуживаю спасения.

Чародей задыхался, дергался, болтал ногами, его ногти до крови впивались в мое запястье. Сумрак беспокойно крутился рядом, скулил, подвывал, тянул за край туники. Я не обращала внимания.

– У вас был шанс избавиться от демона раз и навсегда, – зловеще сказала я. – Но вы похоронили его вместе с Еленой. Так пожинайте теперь плоды своих ошибок.

Тело Велора обьяло разноцветное сияние, радужка глаз переливалась сотнями ярких оттенков, – дар пытался не дать своему хозяину отойти в Мир духов. Я сильнее сжала ладонь, чародей почти потерял сознание, но в последний момент ослабила хватку, и старик мешком повалился на пол, жадно хватая ртом воздух. Жалкий, скорчившийся, он стоял у моих ног, уткнувшись лицом в ковер, а я не могла поверить, что это никчемное создание – могущественный чародей, которому когда-то удалось заслужить мое восхищение и уважение.

– Так уж и быть. По старой дружбе дам вам трое суток, чтобы вы могли достойно проститься с этим миром и в полной мере насладиться приближением неминуемой кончины. – Я присела рядом с Велором, схватила его за волосы, вынуждая взглянуть мне в глаза. – А после, – выдержала паузу, – произойдет то, чего вы так боялись семьдесят семь лет назад, – я дам волю гневу и заставлю вас с Анной захлебнуться кровью тех, кто вам дорог. Вы будете валяться у меня в ногах, умоляя даровать вам смерть.

Арий

Прошли почти сутки после того, как демон очнулась. И если до ее пробуждения обитатели особняка пребывали в состоянии нервного ожидания и изматывающей неопределенности, то теперь в доме воцарилась удушливая атмосфера мрачного уныния, пропитанная смятением и горечью потери. Голоса звучали тише, шаги в коридорах стали почти беззвучными, даже огненные кристаллы на стенах светили тускло. Не только Тени, но и слуги чувствовали перемены в настроении хозяйки. Туман давил на всех: незримый, но осязаемый. Он вихрился в коридорах, стекал по лестницам, просачивался сквозь закрытые двери.

Как бы мне ни хотелось поговорить с ней, я заставил себя ждать. Только умалишенный сейчас решился бы приблизиться к демону. После смерти Селены поступать импульсивно и необдуманно было бы верхом идиотизма.

Ждать всегда тягостно, а тут еще Гедеон неожиданно переся с утра пораньше. Его появление удивило, а если точнее, то поразило меня. Возник порыв захлопнуть дверь, даже не спросив Тень о цели визита, но стоило наткнуться на непривычно растерянный взгляд колдуна, и желание затеять склоку сразу же испарилось. Он хоть и привел себя в порядок, выглядел все равно помятым и ослабшим.

– Чего тебе? – Я не скрывал, что его появление меня не

обрадовало, не думаю, что вообще открыл бы дверь, зная, кто за ней, но Гедеон предусмотрительно скрыл свой дар.

– Хотел поболтать.

Спрашивать, можно ли войти, он не стал, просто шагнул в комнату.

– Ничего не попутал? – я уперся ладонью ему в грудь. – Не помню, чтобы приглашал тебя войти.

– Мне не нужно приглашение, – колдун схватил меня за запястье и рывком отвел руку в сторону.

– Гедеон, нет абсолютно никакого желания начинать день с очередной драки. – Я устало потер переносицу. – Уходи.

– Я и не собирался драться, – он отпустил запястье и примирительно поднял вверх ладони.

– Тогда что тебе нужно? – мой тон немного смягчился.

Задавая этот вопрос, понимал, что, скорее всего, Гедеон и сам не знает на него ответа. Он казался сбитым с толку, и я осмелился предположить, что колдуна в кои-то веки посетило такое знакомое всем нормальным людям чувство вины.

Я театрально закатил глаза и, не дожидаясь ответа, все же отошел в сторону, освобождая проход и проклиная себя за неумение наплевать на окружающих.

– Вздумаешь меня взбесить – вышвырну с балкона.

– Учту. – Мои слова позабавили Гедеона, вызвав улыбку.

Я стоял в дверях, ведущих из ванной в спальню, и вытирал лицо после того, как закончил утренний туалет. Колдун лежал поперек моей кровати, лицом вниз, упершись лбом в

скрещенные предплечья.

– Заснул, что ли? – с сарказмом спросил я, пнув Гедео́на по лодыжке, и прошел в гардеробную за свежей рубашкой. – Если планируешь и дальше оставаться здесь, то как минимум объясни, с чего вдруг решил страдать в моей комнате? Не так давно ты был не прочь прикончить меня.

Я надел чистую одежду и сел в кресло у камина, выжидая, пока уставившись на колдуна.

– Не прикончил же. – Он все еще лежал, уткнувшись лицом в руки.

– Этот факт не делает нас друзьями.

– Сдалась мне твоя дружба.

– Какого же рожна в таком случае забыл здесь? Шел бы к кому-то из Теней.

– Ты тоже Тень. – Колдун нехотя сел на край кровати, упершись локтями в колени, и, наконец, посмотрел на меня.

– Не придуривайся. Ты прекрасно понял, о чем я.

– Не думаю, что кто-то из них поймет, – эти слова Гедео́н из себя буквально выдавил. Несложно было догадаться, что ему крайне редко доводилось изливать кому-то душу (если так можно сказать о том, у кого ее нет).

Я снова мысленно укорил себя за неспособность игнорировать чужую боль. Встал и дернул за шнурок у камина, вызывая Риту. Нужно было кофе, много кофе. Невыносимо хотелось спать, восстанавливающие заклинания уже не спасали. Надеялся, что с пробуждением демона ее воспоминания

перестанут приходить ко мне, и удастся отдохнуть хотя бы несколько часов, но увы. Стоило сегодня ночью закрыть глаза – все повторилось. Был еще вариант снова напиться до беспамятства, но после случая с Пожирателем я опасался прибегать к подобным методам, тем более в компании этого ненормального.

– Ты же пришел не для того, чтоб меня разглядывать?

Мы с Гедеоном переместились в гостиную, соединенную с моей спальней, где сидели в креслах за столом и пили принесенный Ритой свежесваренный ароматный кофе.

– Можно подумать, я знаю, что говорят люди в подобных случаях, – буркнул колдун и, немного помолчав, добавил: – Какого хрена мне не плевать?

– Понятия не имею. Я не знаю, каково это, жить без души. Как и не знаю, почему вдруг ты начал чувствовать.

– Как ты с этим всем справляешься?

– А по мне похоже, что я справляюсь?

Гедeon покачал головой и окончательно приуныл. Я все не мог его понять. Словно в нем уживались два разных человека. Один – циничный и беспринципный, второй – ранимый и многогранный. Колдун определенно был глубже, чем хотел казаться. Если демон жила за непроницаемой стеной безразличия и умело душила в себе любые намеки на полноценные эмоции, то Гедeon находился за мутным стеклом, сквозь призму которого время от времени проглядывала его истинная сущность. Определенно, воспитанный Дайной, он

многое от нее перенял, но и своего в нем было достаточно. То ли боясь оттолкнуть демона, то ли не желая казаться слабым, он будто беспрестанно боролся сам с собой, как если бы кто-то запрещал ему стать нормальным человеком.

– Прежде она не убивала никого из Теней на глазах у остальных. – Гедеон сделал глоток кофе, а потом поднялся и стал медленно обходить гостиную, держа в руке кружку.

– Теней вроде как смерти не сильно трогают.

– Не сравнивай жизнь Тени с жизнями кого бы то ни было, – в голосе колдуна мелькнуло раздражение.

– Любая жизнь ценна, Гедеон, – ответил я с не меньшим недовольством.

– На незнакомцев мне плевать.

– Ты пытался защитить меня от Пожирателя, хоть и не скрываешь своей неприязни. А ведь мы тогда были едва знакомы.

Колдун поморщился, будто я напомнил ему о чем-то очень мерзком. Он подошел к письменному столу и принялся разглядывать лежащие на нем рисунки. Будучи подростком, я любил рисовать, потом забросил. Вспомнил о своем увлечении, когда Лука запер меня здесь. Хоть какое-то разнообразие. В основном изображал Сумрака, фурий и пушистых лемфе или ящеров. Знал бы, что Тень придет, – убрал бы все. Никогда не нравилось демонстрировать свои работы.

– Да ты просто кладезь талантов, нолгурд. Как такого не пытаться спасти, – с издевкой ухмыльнулся Гедеон, продол-

жая рассматривать картинки.

Видят духи, иногда он походил поведением на подростка.

– Хватит копаться в моих вещах.

Я встал и принялся собирать рисунки, чтобы убрать в ящик.

– Какие мы нежные. – Он оперся бедром о край стола. – Дайна с ума бы сошла, если бы ты помер. Вот и пришлось за тебя вступиться.

– Все-таки ты ее любишь, хоть и говорил, что никогда не задумывался о подобном. – Я убрал все в ящик и вернулся за стол. – Любовь толкает нас на безумства. А сражение с Пожирателем без колдовства иначе как безумством не назовешь.

– Вообще-то после твоих слов тогда, в саду, я как раз задумался. – Колдун хитро и нагло улынулся. – Ты прав. Люблю. И сказал ей об этом в тот день, когда вы избавились от Пожирателя.

Я призвал на помощь все свое самообладание, чтобы сохранить спокойствие. Хотя внутри все мгновенно вскипело от ревности. Геден продолжал самодовольно улыбаться. Запустить бы в его наглую рожу кофейником!

– Полагаю, ответного признания ты не дождался? – Решил не бить дорогую посуду: лучше словами. – Я был с ней после открытия Ночного турнира. Не припомню, чтобы она вспоминала о тебе.

Теперь настала очередь колдуна скрежетать зубами.

Духи вездесущие, теперь мы оба походили на подростков, которые вот-вот сцепятся из-за девчонки. Что тут сказать: достойное поведение для принца-нолгурда и колдуна, которому перевалило за четыре с половиной столетия. А если учесть еще и то, что эта самая девчонка играючи навалывает нам обоим за драку в доме, – мы выглядели просто смешно.

– Ладно, – рассмеялся вдруг Гедеон. – Один – один. Или у тебя есть еще что мне рассказать?

Я покачал головой и теперь тоже смеялся. Мне этого жутко не хватало. Смеха. Вот такого бестолкового и легкого.

– Я не отдам ее тебе так просто. – Успокоившись, колдун плюхнулся в свободное кресло.

– Боюсь, что после случая с ловцом воспоминаний у меня и без того не осталось ни единого шанса.

Это казалось очевидным.

– Она остынет. Не сразу, но остынет, а то и вовсе все спустит тебе с рук, как делала до этого. И, заметь, не раз.

– Не пойму, ты пытаешься меня подбодрить?

– Чем сложнее охота, тем желаннее добыча, – Гедеон хищно оскалился. – Разве нет?

– Пошады не жди. – Я откинулся в кресле, скрестив на груди руки, а про себя подумал, что в нашем случае мы с колдуном на самом деле скорее подходили на роли жертв, а не охотников.

– С ней что-то не так, – сказал Гедеон после недолгого молчания, вдруг резко посерьезнев.

На его лицо вернулась привычная мрачность. Он налил себе еще кофе и уставился на кружку немигающим взглядом, крутя ее из стороны в сторону.

– Ну, я чуть было не отправил ее в забытье навечно. Неудивительно, что она зла. У меня самого ото всех этих воспоминаний в голове каша, кто знает, что виделось ей целых десять дней. Может, еще не до конца пришла в себя? – предположил я.

– Ты не понял, нолгурд, – колдун перевел тяжелый взгляд с кружки на меня. – Она хотела прикончить меня. По-настоящему. Не просто для того, чтобы припугнуть эту чокнутую. Когда туман коснулся моего тела, я явственно это ощутил. Первый ее порыв не был наигранным. Дайна не сразу взяла магию под контроль, поверь.

– Тебе почудилось, – я попытался его успокоить, но вспомнил: и мне, и остальным Теням в тот момент тоже показалось, что демон не шутит, потому мы и пытались пробить барьер. То было необъяснимое смазанное чувство, сродни несформировавшейся, ускользающей мысли, но при этом жуткое до дрожи.

– Не почудилось. Уверяю тебя. Ты и представить не можешь, что нас ждет, если магия тумана выйдет из-под контроля. Ты не видел и десятой доли мощи Истока демонов, запертого в ее сердце. И молись своим духам, чтобы никогда не увидеть.

– Почему ты говоришь об этом со мной, а не с остальными

Тенями? – Его тревога начала передаваться и мне.

– Потому что не хочу зря их волновать и нагнетать обстановку, если все же ошибся. А еще потому, что как бы я к тебе ни относился, не могу не признать: ты хорошо на нее влияешь, ноггурд, хоть и та еще заноза в заднице. Даже когда чудишь, она смотрит на это сквозь пальцы, – Гедеон сделал паузу. По колдуну было отчетливо видно, с каким трудом ему дался даже такой сомнительный комплимент в мой адрес. – Ты, как и твоя мать когда-то, пробуждаешь в ней то хорошее, что еще осталось. Помоги мне не дать ей снова сорваться в пропасть. Прошу.

– Лука морил тебя голодом и запрещал бриться? – Демон сидела за своим столом в кабинете, лениво развалившись в большом кресле, обитом темно-зеленым бархатом, закинув ногу на ногу, и неспешно постукивала пальцами по подлокотнику. – Хотя борода тебе даже идет.

Филипп пришел за мной ближе к вечеру, чтобы сообщить: «Госпожа хочет вас видеть». И вот я стоял у стола Дайны, пытаюсь предугадать дальнейшие варианты развития событий, совершенно не желая повторить участь Селены.

– Просто не было аппетита и настроения следить за своим внешним видом. Лука тут ни при чем.

Не хватало еще, чтобы магу досталось почем зря, он и без

того натерпелся от рнирхов.

Демон разглядывала меня, не произнося ни слова, будто специально пыталась заставить нервничать еще сильнее. Она выглядела привычно: спокойной и отстраненной, но зелень в глазах словно покрылась слоем инея. Казалось, под этим взглядом сама Тьма из Глубин готова забиться в дальний угол и сидеть, не высываясь. Что уж говорить обо мне – человеке, который собственной жизнью и той не распоряжался, да еще и отправил повелительницу Санмерата в забытье почти на две недели. Плюс слова Гедеона не шли из головы.

– Сядь и выдохни. Я не стану тебя наказывать и уж тем более убивать, – властный негромкий голос прорезал гробовую тишину.

Не скажу, чтобы после этих слов стало как-то спокойней, но напряжение немного спало. Хотя расслабиться не получалось. Меня нервировал незримый туман, клубящийся вокруг. Все равно, что сидеть в клетке с голодной фурией, которая рычит и клацает зубами, выжидая момент, чтобы напасть. Одно неверное движение – и смерть. Пламя в камине плясало, вторя туману, то и дело с треском выплевывая в дымоход снопы искр.

– Дайна, мне очень... – начал я, садясь, но она сделала знак рукой, который можно было истолковать как «лучше тебе сейчас заткнуться».

– Последнее, что я хочу слышать, это твои извинения.

– Если желаешь расторгнуть договор, я пойму.

– Хотела бы – уже расторгла бы. Твое согласие или участие для этого мне не требуется.

– Тогда спасибо, что позволяешь остаться.

– Судя по твоему виду, ты до сих пор наслаждаешься созерцанием моего захватывающего прошлого? – Демон проигнорировала благодарность, и уголки ее губ изогнулись в насмешливой ухмылке. – И как? Нравится?

– Познавательно, насыщенно и немного утомительно. – Я сцепил руки в замок и коснулся ими подбородка, стараясь не упустить ни единого ее движения или взгляда, все еще опасаясь нападения. От напряжения дар под кожей зудел и жег огнем.

– Пройдет через пару недель. – Дайна вновь стала серьезной. – Одна из причин, почему ловцы воспоминаний так редко используются, – это как раз таки переходящие воспоминания. Искусственные чары, накладываемые к тому же неумелым магом или колдуном, действуют иначе, чем подлинные. Еще и заклинание заведомо было испорчено, закинув тебя в мое сознание глубже, чем требовалось. Ты впитал слишком много ненужного, но эффект временный.

– Пару недель?! – я даже не пытался скрыть досады, подавшись вперед и схватившись за подлокотники кресла.

– Может, раньше. – Дайна равнодушно пожала плечами, а потом добавила нарочито елеинным голоском: – По-моему, небольшая плата за то, что ты сделал. Не забывай, Селене

повезло куда меньше.

– Такое я вряд ли когда-нибудь забуду.

Мне и правда повезло, а ведь мог бы застрять навсегда в разуме демона, что, на мой взгляд, еще хуже смерти.

– Зачем ты так с ней? Разве недостаточно было просто изгнать?

Последние мгновения жизни Селены еще долго будут преследовать меня, напоминая: какой бы «мягкой» Дайна иногда не становилась рядом со мной, – она по-прежнему чудовище. Вот только отчего-то вышло так, что я искал оправдания для подобной жестокости, а не испытывал к демону отвращения. От этих мыслей делалось горько. Так думать для нолгурда непозволительно.

– Когда мы с тобой заключали договор, я сказала: «Решишь предать меня, и договор тебя убьет, если, конечно, я не сделаю этого раньше». Эту фразу слышат все Тени. Селена смогла обойти связывающее заклинание, сделав все твоими руками, но от этого ее предательство не перестало быть таковым. Да и потерять Луку я не могла.

– Неужели ты ничего не чувствовала к ней? Селена провела рядом с тобой больше пятисот лет.

– Ничто по сравнению с вечностью.

Равнодушие, с которым Дайна произнесла это, пугало.

– Почему пощадила меня?

– А ты хотел меня предать? – Снова эта раздражающая насмешливая ухмылка.

– Нет, но и на благополучный исход не рассчитывал. Все-таки именно от моего решения, использовать или нет артефакт, зависело – увенчается ли план Селены успехом.

Демон покачала головой и посмотрела так, как если бы я сказал несусветную чушь, снова заставляя меня чувствовать себя идиотом, а потом открыла ящик стола и достала оттуда рамку, которую спрятала, когда впервые пригласила в свой кабинет. Положила ее изображением вниз и подвинула ко мне.

Я потянулся к рамке, но на мгновение задержал руку в нерешительности. Воспоминания, что видел в голове Дайны, до сих пор до конца не уложились в моей собственной. Все казалось реальным и выдуманным одновременно, тем более сейчас, когда передо мной сидела демон, схожесть которой с милой девушкой из воспоминаний была лишь внешней. Впечатлений за последние недели и без того хватало с лихвой, но любопытство пересилило, и рамку я все же взял.

– Это подарок Виктора, – сказала Дайна, внимательно наблюдая за моей реакцией. – Он видел, как я храню воспоминания, и запечатлел для меня одно из своих.

– Он видел... – Я не мог отвести взгляд от изображения на стекле, сглотнул подступивший к горлу ком. – Дядя бывал здесь? Вы с ним?..

– Бывал пару раз. И нет, – Дайна скривилась, – он никогда не входил в число моих увлечений.

Уму непостижимо! Виктор посещал Санмерат и даже на-

ведывался в гости к демону.

Заклинание переноса мгновений отразило на стекле родителей, сидящих на траве. Папа широко улыбается, прижимая к себе маму, которая целует его в щеку. Рядом Дайна, тоже улыбается, легко и непринужденно, а сзади маленький я, обнимаю ее за шею и смеюсь.

Осторожно коснулся стекла, словно оно могло рассыпаться в моих руках.

Я не помнил ничего из этого. Совсем. Пустота.

– Ты могла бы рассказать, – в моем голосе отчетливо звучали упрек и обида.

– А ты бы поверил хоть слову?

Промолчал. Конечно, нет. Какие бы доводы ни приводила Дайна, я ни за что бы не поставил ни единое сказанное дядей слово под сомнение, если бы не увидел все своими глазами.

– Я дала слово Виктору и Анне, что не стану лезть в твою жизнь и ворошить прошлое. Не в моих правилах нарушать обещания. Вряд ли мы бы вообще когда-нибудь встретились, если бы не смерть Виктора. – Она поднялась, обошла стол и встала за моей спиной, глядя на изображение в рамке, которую я все еще держал. Смотрела долго, прежде чем заговорила снова: – Тебе не место в моем мире, нолгурд, как и мне в твоём.

– Почему никогда не зовешь меня по имени? – Я положил рамку на стол и тоже встал. – Раньше ведь звала.

Глупо, но сейчас это казалось важным.

– Может, мне еще и поиграть с тобой? Как раньше.

Ну конечно, для демона все игра. Она ни за что не поймет, не почувствует.

Я хмыкнул, покачав головой и отошел к окну. Усталость навалилась с новой силой, а разговор казался бестолковым и раздражающим.

Но неожиданно туман перестал ощущаться, пламя в камине сделалось ровным, комнату заполнил легкий цитрусовый аромат, от которого в голову сразу же полезли непрощенные мысли. Дайна встала напротив меня, и я поразился тому, как изменилось выражение ее лица, словно треснула и осыпалась сковывающая его маска.

– Я скажу это всего один раз, *Арий*, – голос непривычно нежный, обволакивающий, как и ласковый взгляд, проникающий в душу. – Ты очень особенный. Не знаю, почему так, но рядом с тобой хочется быть лучше, человечней. Поразительно, что твой Свет не тревожит мою Тьму, скорее умирляет ее. Вот только я не хочу становиться человечней, сентиментальней, уязвимей, не хочу впускать Свет в свой мир. Таким, как я, подобное ни к чему. Нырнуть в воспоминания и прожить все заново оказалось на удивление полезно, пусть и жутко болезненно. Это напомнило мне, кто я. Помогло проститься с прошлым. Потому ты останешься для меня нолгурдом, тем, кто борется с Тьмой и Хаосом, тем, кого смогу легко отпустить, когда придет время. Ведь я совсем не уверена, что смогу снова проститься с Арием.

– Нам вовсе не обязательно снова прощаться. – Я хотел заключить ее в объятия, но сдержался, решив, что она не позволит.

После услышанного сердце колотилось так, что, казалось, готово проломить грудную клетку, пока измученный бессонницей разум пытался подобрать слова, способные убедить демона в отсутствии необходимости разлучаться и отталкивать друг друга.

– Теперь мы можем хотя бы попытаться. Дай нам шанс.

– Ты никогда не смиришься ни с моей жесткостью, ни с моим непостоянством.

Слова про жестокость пропустил мимо ушей, а вот «непостоянство» кольнуло больно, возвращая с небес на землю. Делить Дайну с кем бы то ни было я бы точно не смог, а с Гедеоном и подавно.

– Это можно обсудить, – соврал, боясь ляпнуть лишнего, не хотелось, чтобы она снова скрылась за маской безразличия.

– Ты совсем не умеешь лгать.

– Дайна... – я коснулся ее руки, но демон отстранилась.

Случилось то, чего я так не хотел, – она резко стала прежней. Ожил туман: то тут, то там воздух приобретал красноватый оттенок. Пополз по стеклам морозный узор; ярко вспыхнуло и погасло в камине пламя; замерзла вода в графине.

– Я наконец знаю, что именно случилось той ночью, – резко сменила тему Дайна, отошла к столу и уперлась руками в

столешницу, опустив голову.

Глава 4. Никчемная душа

Арий

Я гнал Дара во весь опор, не разбирая дороги и совершенно не понимая, куда вообще направляюсь. Меня не волновало ни то, что на улице снегопад сменился ливнем, ни то, что начало смеркаться, ни то, что мчаться галопом по незнакомой каменистой местности было попросту опасно, особенно для Дара. Когда я бросился прочь из дома, Дайна меня не остановила. Да и какой смысл останавливать: в мире не найдется места, где демон не смогла бы отыскать свою Тень. И все же она подарила мне это мнимое ощущение свободы, за что я был ей очень благодарен.

Я не укрывался заклинаниями от холода и дождя (лишь защитил Дара), испытывая острую необходимость почувствовать хоть что-то, пусть даже это будут ледяные колющие капли на коже или ветер, пробирающий до костей, ведь живым я себя больше не ощущал.

Кто бы знал, что Пожиратель – проклятое порождение Хаоса – окажется прав. Не родился я – все были бы живы: Эраст, Виктор, мама.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем Дар начал выдыхаться. К тому моменту мы уже пересекли равни-

ну и теперь петляли по дну извилистого скалистого ущелья. Дождь лил с прежней силой, земля не успевала впитывать воду, и потому из-под копыт взмыленного коня выше стремян взмывали сотни брызг и мелких камней. Пространство изредка пронзали вспышки молний, а гулкие раскаты грома эхом отражались от отвесных стен, сопровождаемые завыванием ветра в расщелинах. Вскоре я увидел грот, способный вместить нас обоих, и направил Дара к нему, переводя его на шаг.

Я сидел на земле, привалившись спиной к стене, постепенно начиная чувствовать холод. Стылый влажный воздух щипал кожу под прилипшей к телу мокрой одеждой. Во мраке грота хорошо было видно, как слегка сияют золотом ладони и предплечья под тонкой тканью рубашки, – это магия пыталась напомнить: нужно согреться и успокоиться. Она словно шептала: «Ну же, позволь позаботиться о тебе». Я не слушал, а без моего желания, без моего приказа, – дар ничто, лишь красивое, бесполезное мерцание.

Я окончательно потерял счет времени и одним духам ведомо, сколько раз прокрутил в голове рассказ демона...

... Мы с Еленой и Эрастом познакомились случайно. Видимо, эта встреча была предначертана судьбой, раз она свела нас в одном из лесов Дианрута. Королевство я посещала по делам вместе с Руфиной и Ией. На твоих родителей напала местная банда грабителей, которая значительно превосходила числом стражу, сопровождавшую их. Признаться,

я хотела тогда проехать мимо: ни для кого не секрет, что Истинных я, мягко говоря, недолюбливаю, тем более высококородных. Но вид вопящей от ужаса Елены, к тому же еще и беременной, отчего-то сподвиг вмешаться, а твоя мать в ответ вцепилась в меня словно клещ.

Симпатией к ней я прониклась не сразу, тем более что ее интерес ко мне поначалу казался чисто научным. Как Ткач она просто не могла упустить возможность изучить редчайший в мире дар и мое проклятье. Упорства Елене было не занимать, и вскоре ей все-таки удалось завоевать мое расположение.

Спустя время родился ты. Что тут сказать, младенцем ты оказался очаровательным. От магии тумана не шарахался и в истерики не впадал. В общем, я и к тебе прониклась симпатией. К слову, Павла мне показали лишь однажды, тот орал так, что весь Вастангар слышал, а после мальчонка еще около месяца просыпался с плачем по ночам.

Не думаю, что когда-нибудь смогу выразить то, как дорога была мне твоя мать. Чувствовать себя частью обычной, нормальной семьи спустя тысячу лет мучений оказалось ни с чем не сравнимым счастьем, как и возможность жить время от времени вне границ Санмерата, словно и не было никогда того ужасного прошлого.

Елена, в отличие от большинства тех, кто обитал за пределами Буйных земель, не считала меня монстром.

«Я, мой сын, мои родные, друзья и народ рождены сво-

бодными благодаря тому, что однажды у тебя хватило духа пожертвовать своей семьей и своим народом ради чужаков, которые тебя презирали и ненавидели. У нас есть будущее только потому, что ты отдала все, чем так дорожила. Разве имеем мы право теперь осуждать тебя?! Ведь ты стала такой, чтобы мы могли жить в мире», – так она говорила.

А еще изо всех сил старалась найти способ избавить меня от проклятия.

И нашла. Почти.

За пару дней до своей смерти она сказала, что уверена: я могу стать смертной и избавиться от ненавистного тумана. Ей нужно еще немного времени, и я, наконец, обрету покой.

Но покой мне обрести так и не довелось, как и узнать, были ли слова Елены правдой. Она вела дневники с записями всех своих исследований, но после ее смерти они бесследно исчезли. Скольких бы людей я ни отправляла на их поиски, сколь бы баснословные суммы ни предлагала в награду... увы.

В ту ночь, когда Елены и Эраста не стало, а тебя забрал Виктор, я зареклась не впускать в свою жизнь кого-то, кроме Теней, да и от тех отдалилась настолько, насколько было возможно. Единственным человеком извне, к которому я сохранила привязанность, был Велор.

То было ошибкой, большой ошибкой.

Вернувшись в ту ночь благодаря ловцу воспоминаний, я заметила, что, когда вбежала в комнату, ты зажимал рану на груди Елены, но оружия нигде поблизости не оказалось. Так виделось мне тогда, ведь все мое внимание было приковано к тебе и телам Елены и Эраста, а потом и вовсе вломился Виктор с нолгурдами, – времени осматриваться не осталось.

Но, как оказалось, мой взгляд все же скользнул по предмету, валявшемуся под комодом у дальней стены, там, куда не доставал свет свечей. Из-под него торчал край рукояти кинжала. Кинжала, который я бы узнала из тысячи подобных, ведь сама же и подарила его Виктору.

Я навестила Велора сегодня утром, и он окончательно подтвердил мои догадки. Ты пришел в спальню родителей, потому что не мог уснуть, ощущая, как тревожится магия во дворце. Нашел их лежащими на полу. У Елены из груди торчал кинжал Виктора. В ужасе ты вырвал его и отшвырнул в сторону, а вскоре появилась я. Сам Виктор тем временем в панике уже прибежал к Анне и признался ей в том, что убил брата и его жену, понимая: никто другой ему в подобной ситуации не поможет...

На этом моменте уже казалось, что я лечу в бездонную пропасть. Верил ли я Дайне теперь? Безусловно. Но мог ли принять правду? Нет. Все еще нет. Какая-то часть меня упорно сопротивлялась, заставляя найти иные объяснения произошедшему, цепляясь за те воспоминания и обра-

зы, что жили в памяти. Добрый, заботливый, понимающий Виктор просто не мог быть убийцей! Анна, любившая меня не меньше родной матери, не могла покрывать его все эти годы! А демон все говорила: сухо, равнодушно, будто не обращая внимания, что каждое произнесенное ей слово калечит, уродует душу, лишает всякого желания жить...

... После того, как я очнулась, все не могла понять одного: что заставило Виктора совершить подобное. Ответ мне дал Велор: король хотел скрыть правду.

Ни для кого не было секретом, как страстно Елена и Эраст хотели ребенка, но что бы ни делали – все тщетно. Никакие заклинания, артефакты, обряды не работали, даже магия Истока ведьм оказалась бессильна. И вот однажды, когда Эраст отправился в Ларвитель по делам, а Виктор и Елена, изрядно выпившие на праздновании в честь окончания сбора урожая, оказались наедине, королю пришла в голову мысль о том, что, возможно, жена брата сможет забеременеть от него. Дитя унаследует магию Вейдов, внешне будет похоже на Эраста: никто и не догадается, если все получится. Главное, что брат будет счастлив, наконец став отцом.

Елена согласилась. То ли в порыве отчаяния, то ли алкоголь повлиял на ее решение, возможно, они с Виктором просто испытывали влечение друг к другу, – правду уже никогда не узнать. И о чудо! Через девять месяцев родился ты. Эраст был вне себя от счастья, а Елену съедало чувство

вины.

В ту ночь, семьдесят семь лет назад, она сказала Виктору, что большие не в силах лгать и расскажет мужу правду, чего Верховный маг, естественно, допустить никак не мог. Выплыви все наружу, его безупречной репутации пришел бы конец, не говоря уже о том, что брат никогда бы не простил его, как и прочие члены семьи. Некстати вернулся Эраст, который должен был отсутствовать еще несколько дней, подслушал разговор и, естественно, впал в бешенство. Грозился предать все огласке, отречься от жены и ребенка. Между Эрастом и Виктором завязалась драка, Елена пыталась их разнять...

Кинжал Верховный маг всегда носил при себе, им и воспользовался, ведь заклинание или магическое оружие могли оставить ненужный след, способный впоследствии привести к нему.

Как я уже говорила, Виктор признался во всем Анне. Королева не желала лишиться власти и своего титула из-за глупости мужа, не хотела, чтобы все это потерял Павел, и потому решила повесить вину на меня, а тебя приняла и воспитывала, чтобы скрыть ото всех правду. Ведь отрекись она от горячо любимого племянника короля, возникли бы ненужные вопросы и подозрения. Велор же помог избавиться тебя от воспоминаний, он солгал мне...

Я убил собственного отца!

Я жил с убийцей матери и дяди все эти годы!

Я считал семьей тех, кто опутал меня ложью!

Я потратил десятилетия на ненависть к той, кто единственная пыталась поступить правильно и защитить меня!

Сейчас, как никогда, хотелось быть похожим на Дайну: не чувствовать, не иметь души, смотреть на все с холодной отстраненностью, ощущая лишь ярость. Все бы отдал, чтобы эта ярость дотла выжгла нутро, каждую кошмарную мысль, каждую мучительную эмоцию.

Я больше не отдавал себе отчета в своих действиях. Сорвал с мизинца кольцо Эраста и швырнул в сторону, а потом расчистил землю перед собой от мелких камней, достал из ножен на поясе кинжал и порезал ладонь. Я видел это заклятие всего однажды, да и то в книге, когда давным-давно слушал лекции учителя о запретных заклятиях Хаоса. Трясущимися руками кровью выводил руны, значение которых толком не понимал, а в голове пульсировала единственная мысль: *«Не чувствовать!»*. Дар, стоящий в стороне, беспокойно рыл копытом землю, фыркал и тихо ржал. Магия струилась под кожей, окрашивая вены золотом, и я чувствовал ее негодование, страх, протест.

Строки заклятия услужливо всплывали в памяти одна за другой, хоть то и был незнакомый мне язык демонов. Я шептал их снова и снова, стоя на коленях и с надеждой всматриваясь в руны, которые никак не желали оживать, резал и резал ладони, орошая землю кровью, призывая Хаос услышать меня.

И он откликнулся.

Рисунки вспыхнули алым, и в гроте запахло гнилью и разложением. Черные полупрозрачные щупальца начали медленно появляться из-под земли и тянуться ко мне. Я ждал, глядя на них, будто замороженный.

Еще немного и все закончится.

Но щупальца вдруг замерли, когда из портала у входа в грот возник женский силуэт. Демон встала, привалившись плечом к стене, и не сводила с меня горящих красным глаз. Она протянула руку вперед, и щупальца неспешно поползли к ней, скользнули по ладони, обвили запястье.

– Ты и вообразить себе не можешь, какую боль испытает, когда Хаос вырвет из тебя душу. – Дайна слегка шевелила пальцами, и щупальца лениво переползали с одной руки на другую.

– Едва ли существует боль, что превзойдет ту, которую я ощущаю сейчас.

– Считаешь, лишишься души, и все само собой утрясется?

– Иначе мне это не пережить. Не мешай. Прошу.

Я встал и в очередной раз порезал запястье, кровь, искрящаяся золотыми вкраплениями Истинной магии, хлынула с новой силой. Щупальца оживились и метнулись ко мне. Демон не остановила их, но продолжила говорить:

– А как же остальная семья? Разве Виктор и Анна были единственными, кем ты дорожил? У тебя ведь есть и другие родственники. Забудешь о них? Позволишь им поверить в

то, что ты монстр, которым тебя выставили Анна и Павел? А твои друзья, Ларион, нолгурды? Виктория, в конце концов. Народ, который так тебя любил. Их тоже бросишь? Позволишь лжецам и дальше править? Променяешь все на жизнь в этой серости, – она раскинула руки в стороны. – Станешь наемником? Или вернешься в Вастангар черствым, эгоистичным, неспособным сострадать?

– Замолчи! Тебе этого не понять, – огрызнулся я.

Черные щупальца уже обвили мои икры и ползли выше: они проглотят душу, как только опутают тело целиком.

– А магия? – Дайна и не думала молчать. – Она станет унылой, поблекшей, безразличной. Готов проститься со Светом, льющимся по твоим венам? С тем теплом, что он дарит. С той силой, которой он наполняет каждую клетку твоего тела? Свет не станет благоволить тому, кто добровольно отдал душу Хаосу. Духи отвернутся. Останется лишь Тьма.

– Ты живешь во Тьме сотни лет. – Я не собирался отступить, хотя мерзкое дыхание Хаоса, сочащееся сквозь руны, вызывало ни с чем не сравнимое отвращение. – И я смогу.

– Променяешь это, – Дайна подошла ко мне и набрала в ладонь немного крови, все еще сочащейся из раны, позволив ей утечь сквозь пальцы, оставив всего несколько золотых, ярко горящих во мраке, песчинок, – на это?

Второй рукой она оторвала кончик щупальца и положила его рядом с песчинками. Черный сгусток тут же оживился и проглотил частички Истинной магии, и пусть они не исчезли,

продолжая лежать на ладони, но их сияние поблекло.

– Таким ты желаешь видеть свой дар? – Демон поднесла грязные, посеревшие крупички к моему лицу.

Магия внутри меня в панике скорчилась, сковав тело болезненным спазмом, затрепетала в ужасе, страшась повторить участь песчинок. Щупальца обвили талию, а одно уже коснулось шеи, медленно подползая к щеке.

Демон стояла теперь совсем близко, глаза больше не горели красным, и в них читалась смертельная усталость. А мне... Мне было плевать.

– Если это плата за избавление от боли, пусть будет так, – ответил я. – Уходи, демон. Оставь меня в покое. Своей душой я буду распоряжаться так, как пожелаю.

– Не будешь, – отчеканила она и, схватив меня за шею, вышвырнула из грота, словно тряпичную куклу, вырвав из объятий щупалец.

Меня впечатало спиной в противоположную стену ущелья. Я рухнул в лужу грязи, жадно хватая ртом воздух, потому что от удара его вышибло из легких, но почти сразу вскочил, уворачиваясь от посыпавшихся сверху камней. Перед глазами плясали разноцветные круги. Тряхнул головой, приходя в себя. Демон стояла у входа в грот и, судя по клубящемуся у ее ног туману, болтать дальше не намеревалась. В следующее мгновение за ее спиной взметнулись вверх черные щупальца Хаоса и, минуя Дайну, устремились ко мне. Я бросился им навстречу, одно из щупалец почти успело схва-

тить меня за руку, но демон оказалась проворней и отсекла ее мечом, одновременно с этим обрушив вход в грот.

– Там же остался Дар! – крикнул я и побежал в сторону обвала, швырнув вперед атакующее заклинание, чтобы освободить друга.

– Ничего с ним не случится, – ответила Дайна. – Хаосу он без надобности.

Сгусток красной энергии сбил мое заклинание. Пространство озарила яркая золотисто-алая вспышка.

– Отвали от меня! – снова огрызнулся я, хотел призвать оружие, но вспомнил, что выкинул кольцо.

Дайна замерла. В чудовищном ливне, который все никак не унимался, неподвижный силуэт демона с поблескивающими в темноте красными глазами выглядел размытым. Туман окрашивал лужи и ручьи вокруг нее темно-рубиновым оттенком, отчего создавалось впечатление, что земля залита кровью.

– И не подумаю, пока в себя не придешь. Если понадобится, нацеплю на тебя десяток ошейников, скручу путами и швырну в темницу, – пригрозила она.

– Я больше никому не позволю решать за меня, как мне жить. И тебе в том числе.

Переполненный злостью и отчаянием, я постепенно терял связь с реальностью. Лишиться возможности чувствовать казалось наилучшим решением, и я не собирался позволять демону мешать мне.

– Я не указываю, как тебе жить. Лишь хочу уберечь от ошибки. – Дайна сделала шаг мне навстречу.

– Не приближайся. Я закончу начатое. И неважно, нравится тебе это или нет.

Мои ладони вспыхнули золотом. Искрящаяся магия постепенно уплотнялась, принимая форму атакующего заклинания.

– Ладно. Давай так. Будем сражаться. Сможешь ранить меня, и я не стану мешать, – предложила она. – Делай все, что в голову взбредет. Но если первой прольется твоя кровь, ты не станешь избавляться от души.

– Идет, – согласился я, не раздумывая.

Демон атаковала стремительно. Размазанный силуэт красной вспышкой мелькнул в темноте и исчез. Она возникла сзади, я увернулся от черного клинка и бросил в ответ заклинание. Демон уклонилась, коснувшись ладонью земли, и в мою сторону покатилась волна тумана, но разбилась о выставленную мной защиту. По рукам прошла дрожь, но заклинание выдержало. А в следующее мгновение из темноты выскочили красные плети, одна со свистом рассекла воздух у самого уха, вторую я успел отбить сгустком магии. За пеленой дождя то тут, то там мелькали красные огоньки глаз. Дайна кружила вокруг с поразительной скоростью. Я укрыл себя защитным коконом. Пара слов, несколько быстрых, несложных движений пальцев, и вокруг меня образовалось плоское кольцо магии. Резко развел руки в стороны, кольцо стреми-

тельно стало разрастаться, подобно яркому сияющему серпу вспарывая темноту. Демон успела отскочить, пригнулась, кольцо прошло над ее макушкой, не задев. Я, не мешкая, швырнул в нее иглы, сорвавшиеся с кончиков пальцев. Тотчас же под ней возник портал, в который она провалилась, а уже в следующее мгновение окружавший меня кокон рассыпался золотой пылью под ударом меча. Дайна стояла прямо передо мной, хищно оскалившись, а за ее спиной таял портал.

Потрясающее мастерство и скорость владения пространственной магией! Даже сейчас я не мог не восхищаться ею.

Черные клинки, практически невидимые в темноте, взвились в воздух. Отражать подобные атаки, не имея при себе оружия, оказалось нелегко. Я только и делал, что защищался, лишенный какой-либо возможности нападать из-за скорости и количества обрушившихся на меня ударов. На время все свелось к тому, что я один за другим выставлял барьеры, которые она крушила мечами, будто это было стекло, а не полотно магии. Создалось впечатление, что демон попросту играет со мной, перестав использовать туман.

И все же я извернулся и смог призвать струны. Золотые нити выросли под ногами Дайны, заставив сбить темп и отпрыгнуть в сторону. Пару струн нагнали ее, обвив лодыжку. Я уж было обрадовался тому, что сейчас увижу первую кровь, но струны лопнули, едва успев опутать ногу, не причинив демону никакого вреда.

– Надоело, – сказала она, и вокруг ее тела взметнулся столб алого пламени.

Несмотря на непрекращающийся ливень, от жара, порожденного Дайной, вода из луж начала испаряться. К туману примешивались клубы густого белого пара. Земля задрожала, со стен ущелья посыпались камни. Ее магия заволакивала собой все вокруг. От навалившейся со всех сторон Тьмы голову пронзила боль, кожу жгло, от влажного, горячего воздуха в глотке саднило. Пламя ползло ко мне, замыкаясь кольцом, которое постепенно сужалось.

Ну нет, демон. Так просто я не сдамся. Я сжег гребаных рнирхов, спалю и тебя.

Сосредоточился, прикрыл глаза, прислушиваясь к своему дару, концентрируя его в ладонях, сложенных у груди. Привычное животворящее тепло хлынуло по венам, напитывая тело мощью и благодатным Светом.

Уже через мгновение стена огня, наступающая со всех сторон, сомкнулась куполом над моей головой, грозясь зажарить заживо. Я отпустил дар, что держал в руках...

Мы с демоном стояли друг напротив друга в огромной котловине, образовавшейся на дне ущелья, когда столкнулись Истинная магия и туман Хаоса. Из стен ущелья вырвало гигантские куски каменной породы, которые расщепило на мелкие осколки, валявшиеся вокруг. Ливень все не унимался. Ручьи стекали по покатым спускам во впадину, собираясь в лужу, постепенно становящуюся похожей на крошеч-

ное неглубокое озеро.

В глазах Дайны беспокойно клубился туман. От моего тела исходило слабое золотистое мерцание. Я коснулся щеки, ощутив стекающую по ней струйку крови, и сокрушенно произнес:

– Поздравляю, ты победила.

Она промолчала, лишь сдвинула выше рукав черной туники, оголяя предплечье. Из тонкого пореза на внутренней стороне запястья сочилась кровь.

– Ладно, – сказал я. – Ничью мы не обсуждали. Что будем делать?

– Поступай, как считаешь нужным. Я не стану мешать.

От неожиданности я не нашелся с ответом. Даже мысли не допускал, что демон вдруг так легко отступится. Это совсем не в ее духе.

— Дар! – запоздало опомнился я и ринулся в ту сторону, где прежде был грот. – Нет, нет, нет!

Выбрался из котловины, пару раз оступившись и чуть не скатившись обратно, и замер, глядя на зияющий провал. От грота не осталось и следа.

– Успокойся, – раздался голос Дайны за спиной. – Я отправила его через портал в поместье прежде, чем завалила вход.

Я хотел повернуться и поблагодарить ее, но не успел. Из-под камней вынырнули щупальца, пахло гнилью. Черные плети облепили тело, едва не повалив меня, и потянули к

тому месту, где были начертаны руны. Слабое красноватое свечение пробивалось сквозь нагромождение камней.

Дайна не шелохнулась.

– Пожалуй, оставлю тебя, – равнодушно бросила она, открывая портал домой. – Надеюсь, ты отдаешь себе отчет в том, что творишь.

Демон бросила на меня усталый, разочарованный взгляд и исчезла.

Щупальца продолжали тянуть, заставляя идти к рунам. Стараясь не споткнуться о камни и не упасть, я медленно приближался к ним, с каждым шагом ощущая, как все больше противится магия, врезаясь в кожу болью, вспыхивая яркими пятнами перед глазами.

Мой дар не уступил туману демона сегодня, почти справился с ним, отразил последнюю атаку. Сохранится ли подобная мощь, когда исчезнет душа? Сомнения грызли изнутри. Выплеснув злость в схватке с Дайной, я немного успокоился, постепенно снова обретая связь с реальностью.

На смену собственным переживаниям неожиданно пришли ее воспоминания. И я вдруг ощутил себя конченным куском говна. Она хоронила близких десятки раз, видела смерти матери, отца, брата, любимого, сына, Теней, которым ничем не могла помочь, вынесла столько страданий, пережила такие ужасы, от которых любой другой мгновенно лишился бы рассудка, и все же упорно искала способ вернуть душу, чтобы стать обычным человеком, чтобы чувствовать полно-

ценно, несмотря на то, сколь это болезненно. А я стоял тут, жалел себя, обиженный на весь мир, как трус, избрав самый простой способ покончить с проблемами вместо того, чтобы бороться и научиться жить с этим, едва не отринув то, что делало меня мной, являлось моей сутью, – Свет.

В особняк я вернулся опустошенный, но зато с душой. Вышел из портала у главного входа. До рассвета оставалась пара часов, и все обитатели дома еще спали. Только демон сидела на ступенях, укрыв ноги клетчатым пледом, и гладила Сумрака, который дремал, положив голову ей на колени. Рядом на подносе стоял кофейник и две чашки. Я, не говоря ни слова, сел подле нее, на ступень ниже. Она, тоже молча, наполнила чашки и протянула мне одну. Хоть холод Санмерата больше не тревожил меня после того, как я вернул магию, ощутить под пальцами теплую поверхность фарфора было приятно, как и вдохнуть аромат свежесваренного кофе.

– Спасибо, – я первым нарушил тишину.

Дайна лишь снисходительно фыркнула.

– Иногда я забываю, насколько ты старше и мудрей, – продолжил я, сделав пару глотков, и наслаждался обжигающим теплом. – А ведь могла бы просто навалить мне и взаправду надеть ошейник, но вместо этого поддалась.

– Самую малость, – демон улыбнулась, обнажив клыки.

Признаться, я сгорал от стыда перед Дайной из-за проявленного малодушия. Она возилась со мной, взрослым мужчиной, словно с малым дитем. На ее месте я бы давно себя придушил, а Дайна стойко выносила все мои причуды вот уже больше месяца. Благо Тьма и духи даровали этой женщине поистине безграничный запас терпения.

– Прости меня. Не знаю, как выразить словами, насколько сильно я благодарен тебе за все, что ты делаешь для меня.

– Нет, – она покачала головой. – Это ты прости. За то, что оставила тогда.

– Ты поступила правильно. Позаботилась о своих подданных, сохранила мир между королевствами. Я вполне счастливо жил в неведении. Несмотря ни на что, упрекнуть Виктора, – я запнулся, но потом все же исправился, – отца в том, что он был плохим родителем, нельзя.

– С этим трудно не согласиться. Он любил тебя. – Дайна тяжело вздохнула.

– Ты рисковала, сделав меня Тенью. Всегда было интересно: почему ты была так уверена, что брат не придет за мной нолгурдов и не развяжет конфликт с Санмератом?

Я не хотел больше говорить об отце. Не сейчас. Но и в дом идти желанием тоже не горел.

– Однажды твой брат влип в неприятности, я помогла ему с ними разобраться.

– Вы знакомы? – удивился я.

– Виделись разок. – Дайна снова улыбнулась, глядя на мое

растерянное лицо.

– Шутишь? – Мне в это не верилось. И Павел туда же!

– Нет. Это правда. Видишь ли, вы с братом совершенно разные. Насколько ты весь из себя правильный и благородный, настолько же Павел испорченный и избалованный. Он был частым гостем в Санмерате. За последние несколько лет не пропустил ни одного Ночного турнира. Любил делать ставки на бойцов. Да и в обычные дни заходил в Трущобы с друзьями, чтобы предаться разврату и веселью вдали от посторонних глаз, пристально следящих за наследником Вастангарского престола. Павел искренне верил, что я и главы кланов понятия не имеем, кто он на самом деле. Мы, конечно же, приглядывали за ним, но пока принц не создавал проблем, не запрещали появляться в Санмерате. А потом, на Ночном турнире пару лет назад, твой брат не поделил по пьяни что-то с одним из своих дружков, который, к слову, приходился младшим сыном Старшему магу Гектору Веберу.

– Рем? – перебил я. – Он же погиб. Несчастный случай в Диких горах.

– Видимость несчастного случая организовали Тарас и Тимур. А погиб этот самый Рем в Санмерате, в одной элитной таверне для богатеев возле арены Ночного турнира. Его уколошил не кто-нибудь, а собственные дружки, которые наглоotalись чародейских дурманных зелий, и среди них был Павел. Ваш бедолага Рем просто неудачно упал с одного из

балконов.

Для пришлых в Санмерате существуют свои правила, – продолжила рассказывать Дайна, – которые обязан заучить любой, кто получает разрешение бывать здесь. И одно из них гласит, что убийство, пусть и непредумышленное, на территории королевства для чужаков карается смертной казнью без суда и следствия. Но Влад, чьи люди в тот год занимались организацией турнира и следили за порядком, признал в Павле принца и здраво рассудил: высокородные могут быть полезны, лучше доставить их ко мне. Мы смогли договориться. Я помогла им скрыть убийство, дабы они избежали скандала на родине и сохранили свою репутацию, но взамен каждый из них дал клятву на крови, что однажды окажет мне ответную услугу, что бы я ни попросила, или умрет. Убийц было трое, и все свой долг уплатили. Тем не менее ничто не мешало мне рассказать правду. Посмей Павел сунуться в Санмерат, я бы, не задумываясь, нарушила свое обещание молчать и поведала Гектору Веберу истину о случившемся. Даже если твой брат сумел бы выкрутиться, подобные слухи, еще и порожденные мной лично, сильно бы навредили его весьма шаткой репутации, настроив часть Старших магов против него. А ведь они и без того не сильно-то благоволят новому королю, – закончила демон.

Я поймал себя на том, что за последние недели узнал о своем прежнем окружении столько всего, что поступок Павла не вызвал уже практически никаких эмоций. Я ужасно

устал удивляться, переживать и разочаровываться, потому лишь молча кивал, бездумно глядя на сад.

– Мир вовсе не такой белый и пушистый, каким виделся, не так ли, нолгурд? – Демон подлила мне кофе.

– Чувство такое, будто я с головой провалился в яму с дерьмом и все не могу оттуда выбраться, – ответил честно. – Будучи нолгурдом, я не питал иллюзий касательно того, что нравственные качества большинства людей далеки от идеала, но понять, что их напрочь лишены те, кого ты всегда считал примером для подражания, мягко говоря, гадко.

– Эй, – Дайна встала, вызвав тем самым недовольное ворчание Сумрака, отложила плед в сторону и села на ступеньку рядом со мной, – мы со всем разберемся. Обещаю. Просто постарайся хотя бы недельку не вляпываться в неприятности, – она легонько толкнула меня плечом.

– В последнее время мне кажется, что я только это и умею.

– Если тебя это утешит, в свои восемьдесят три я творила куда больше глупостей, чем ты.

– Не утешило. Но спасибо за попытку.

Мы не спеша допили кофе, молча глядя на сад, постепенно пробуждающийся после долгой холодной ночи, каждый погруженный в свои мысли. И виделось в этом молчании что-то особенное, очень личное. Редкий момент, когда демон не была демоном. Просто Дайна, просто миловидная девушка, задумчиво смотрящая вдаль, просто та, с кем бы я хотел до конца своих дней вот так же встречать каждый

рассвет...

Глава 5. Похоть

Дайна

Я стояла в одной из комнат полуподвального этажа, освещаемой парой огненных кристаллов. Небольшое, но довольно просторное помещение в правом крыле здания мы использовали для того, чтобы хранить здесь тела умерших обитателей особняка до тех пор, пока не наступит время церемонии прощания. Справа от меня стояло несколько стульев и стол. Слева, вдоль стены, деревянный стеллаж со сложенными аккуратной стопкой красными полотнами, которыми накрывали стоящий в центре каменный алтарь, и стопкой таких же красных саванов, расшитых по краю золотыми ненавязчивыми узорами. Имелись там и ленты, чтобы связывать на груди руки покойников, ведра, тазы и чистые холсты для омовения усопших. А еще в избытке грудились на полках склянки с какими-то ведьмовскими настоями, которыми по обычаю натирали тела. Тьма знает зачем. Ведь мертвым уже все равно, как они выглядят и пахнут. Никогда не понимала всей этой бестолковой возни, предшествующей церемонии прощания. Похоронили, проводили в последний путь, и дело с концом. Что за радость растягивать обряд аж на неделю? Бред.

В комнате было прохладно и тихо, сквозь добротную деревянную дверь не проникали звуки из коридора. Впрочем, сюда вообще мало кто ходил без надобности: жизнь на этом этаже кипела в основном в левом крыле, где располагалась кухня и кладовые. Мягкий, ровный свет кристаллов иногда слабо пульсировал, то тускнел, то становясь чуть ярче, и, вторя ему, подрагивали тени на стенах. Подрагивали тени и на бледном, навечно застывшем лице Селены, лежащей на алтаре.

Селена являлась старшей из Теней, но привязанности к ней я испытывала даже меньше, чем к вечно раздражающей Норе. Последняя хоть и вела себя частенько как хабалка, но преданность ее не вызывала сомнений. Сколько бы разногласий между нами ни возникало, я всегда знала: колдунья отправится ради меня в Хаос без раздумий.

Селена же...

Истинная всегда была себе на уме. В ней бурлил дар, делая ее отменным воином, вот только жить полной жизнью она не умела. Или не хотела. Взять хотя бы ее любовь к Гедео-ну – это и любовью-то не назовешь. Скорее какая-то нездоровая зависимость. Селене будто нравилось десятилетиями чахнуть в одиночестве, внушая себе, будто иного пути нет. Я даже не уверена, что обрати колдун на нее внимание, она бы согласилась быть с ним, скорее всего, нашла бы еще сотню причин, отчего это невозможно, и страдала бы дальше. Ведь, по сути, преград-то никаких и не было, лишь ее осли-

ное упрямство и надуманные страдания. В общем, я всегда относилась к ней с гораздо большей настороженностью, чем к остальным Теням, и, как оказалось, не зря. Никогда прежде Теням не удавалось обойти договор. Меня ее находчивость, признаться, восхитила, и, возможно, я бы даже не стала ее убивать. Но она чуть не угробила Ария, а на это я глаза закрыть не могла. Да и вдруг после признания Селены в любви к Гедeonу колдун все же обратил бы на нее внимание. Можно подумать, я бы взаправду позволила им быть вместе в моем доме.

– Дура ты, – сказала я в пустоту непонятно зачем. – Гедeon мой. Только мой.

Дверь за спиной скрипнула, но я не повернулась.

– Уже оклемался?

– Почти. – Лука ступал бесшумно.

Маг встал рядом. Я положила голову ему на плечо, а он приобнял меня в своей обычной снисходительно-братской манере, одним этим жестом давая понять, что больше не злится за Селену.

– Все еще больно? – спросила я, глядя на тень алтаря на противоположной стене.

Яд рнирхов причинял отравленному сильную боль, а выходил из тела всегда очень медленно. Алиса, конечно, как могла, этот процесс ускорила, но несколько дней Луке все же придется потерпеть.

– Ерунда. – Маг прижался щекой к моей голове. – Меня

больше тревожит то, что ты можешь снова сорваться, как в Орисвере, – тихо сказал он. – Туман ведь беснуется все эти дни почти так же, как и тогда. Тени рассказали, как ты чуть не прикончила Гедеона.

Я промолчала. Да и что сказать? Порыв убить Гедеона и меня саму заставил нервничать. Лука тревожился не зря.

– Жалеешь? – маг качнул головой в сторону Селены.

– Нет, – ответила без колебаний. – Разве что немного грущу. А еще думаю: зачем держала ее рядом столько веков. До конца Тенью она так никогда и не стала. Я порой чувствовала, как Селена переступает через себя, выполняя мои приказы. А с появлением Ария она и вовсе покой потеряла. Наверное, вспомнила, каков он – Свет Истинной магии, не оскверненный Тьмой.

– Возможно, – задумчиво сказал Лука, разглядывая свою руку, слегка выставив ее вперед.

Жизненная сила Селены, поглощенная им, тянулась к хозяйке, вспыхивая одинокими бледными искорками на кончиках его пальцев. Она еще не до конца слилась с Лукой и чувала присутствие той, чье тело было ей домом сотни лет, силясь найти способ вернуться, но такого способа не существовало.

Какое-то время мы стояли молча. Не знаю, что за мысли посещали мага, но я думала: почему вообще пришла сюда? Угрызений совести не чувствовала, как и вины в целом, скорее ощущала нечто сродни облегчению. Селена после нашей

последней ссоры меня раздражала, как бы я ни старалась ее понять. Что ж, хоть одной проблемой стало меньше.

– Идем отсюда, – я потянула Луку за руку прочь из комнаты.

– Рассказала обо всем Арию? – спросил маг, когда мы уже поднимались по лестнице на первый этаж, где нас чуть не сбил кучерявый парнишка лет тринадцати – сын садовника, который несся куда-то сломя голову.

Парень попытался избежать столкновения, но неловко оступился и полетел бы вниз кубарем, скорее всего, сломав себе что-нибудь, если бы я не схватила его за ворот рубахи.

– Сдурел, что ли! – рывкнула, встряхнув слугу так, что у того чуть голова не оторвалась, а ткань с треском расползлась, образуя дыру.

– Госпожа, – зрачки парнишки в ужасе расширились, и в них я увидела отражение собственных глаз, вспыхнувших красным, – я... я... я просто... – лепетал он, не в силах выдать ничего внятного от страха.

– В следующий раз будь внимательней, а то расшибешься, – сказала я уже спокойней, умиряя туман и отпуская ребенка, не хватало еще оставить его заикой. – Иди уже, куда шел. И скажи Марии, что я велела дать тебе новую рубаху.

Тот весь сжался от страха, поклонился и стал спускаться вниз, опасливо оглядываясь через плечо.

– Не встречайся с Анной, пока не умиришь туман. Не руби плеча. Ты едва контролируешь магию. – Лука привалил-

ся к перилам, смерив меня недовольным колючим взглядом.

– Ты, я погляжу, точно в себя пришел, раз вздумал мне указывать, – огрызнулась, всеми силами пытаюсь подавить ярость, вновь вспыхнувшую на ровном месте.

– Не указываю, а совет даю. – Маг поморщился, прижав руку к груди, и повел плечом, разминая его: раны от когтей рнирхов беспокоили Тень. – Хотя бы нолгурда с собой возьми, если решишь пойти к королеве. На него ты набрасываться точно не станешь. Он, если что, тебя успокоит.

– Было бы там, кому успокаивать, – усмехнулась я. – Самого бы кто в чувство привел, на ногах еле стоит от усталости и путает реальность с моими воспоминаниями.

– Так сидите оба дома, пока в себя не придете, – ответил Лука раздраженно.

– Я дам знать, когда захочу выслушать твое мнение. А пока оно мне без надобности. Ни беснующийся туман, ни твое недовольство не помешают мне воздать Анне и Велору по заслугам.

Маг цокнул языком, сокрушенно покачал головой и пошел прочь.

Я обожала Луку, даже когда он действовал мне на нервы, и его советы всегда принимала к сведению, но магу этого знать было необязательно. Особенно сейчас.

Я и без Луки понимала, что встречаться с Анной сейчас рискованно. Любое неверное слово и движение с ее стороны – и конец. А лишать жизни королеву, не заставив прежде в полной мере познать всепоглощающие отчаяние и страх, явно не входило в мои планы.

Туман словно озверел после того, как я вынырнула из воспоминаний, и подталкивал меня к тому же: хотел заставить убивать каждого встречного без разбора. Не впервой, конечно. Но нужно время, чтобы снова обуздать монстра. Вот только времени мало. Анна далеко не дура и за свою жизнь будет бороться до последнего вздоха. У нее наверняка уже имеется какой-нибудь план, как избежать смерти самой и защитить Павла. В конце концов, у королевы Вастангара есть нолгурды, которые могут стать для меня серьезным препятствием. Один, два, да даже десяток – ерунда, но их было куда больше. Я хорошо помнила, чего мне стоило скрыться от разъяренных боевых магов семьдесят семь лет назад. Если Анна решит спрятаться за спинами нолгурдов и Старших магов, это станет проблемой. Но чутье подсказывало, что она так не поступит: слишком многим тогда откроется истина о ее с Виктором делишках, и не все, узнав правду, останутся на их с Павлом стороне.

Королева дорожит сыном больше, чем кем-либо в этом

мире, и не может не понимать: именно он станет моей целью. В прошлом она забрала у меня Ария, я же заберу у нее Павла, если пожелаю. Как бы новый Верховный маг ни прятался, сколькими бы стражами и заклинаниями себя ни окружал, — я его достану. У меня есть все время мира, чтобы день за днем превращать его жизнь в Хаос. Понадобится, могу мучить до глубокой старости и даже на смертном одре не оставлю его в покое.

Размышляя, расхаживала по кабинету из стороны в сторону, мало-помалу приводя мысли в порядок и позволяя своей демонской сущности расцвести пышным цветом, вытеснить любые сомнения и сожаления. Постепенно отринула все ненужное, и сознание сковало льдом привычного равнодушия, которое дало трещину, когда Арий снова возник в моей жизни полтора месяца назад.

Все это время никто меня не тревожил. Лука со своими наставлениями благоразумно отстал, другие Тени тоже не лезли, не желая попасть под горячую руку. Я спокойно смогла продумать дальнейшие действия, взвесив все за и против, и твердо решила сначала окончательно разобраться с прошлым, а потом уже заняться рнирхами и неуловимым убийцей Виктора. Его след в любом случае снова был потерян, и нам нужно все начинать сначала. Я велела близнецам позаботиться о том, чтобы о хижине не прознали в Корвастахе. Как только посторонние разнюхают, что неуловимый любитель запретного использует магию тумана, подозрения в убийстве

Верховного мага, скорее всего, падут на меня, потому я и не горела желанием распространяться о случившемся. Вкупе с тем, что Арий укрывается в Санмерате, это было логично. Несомненно, правители других королевств стали бы отличным подспорьем в поисках таинственного мага без лица, но пока нет неоспоримых доказательств моей непричастности, так рисковать было бы чистым безумием. Я уже обожглась, доверившись Виктору и Велору когда-то, и теперь намерена остерегаться даже святошу Корнелия Росса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.